

откроет собой ряд удачных боевых действий и побед на всех полях сражений, где русские войска под Верховным водительством Вашим непоколебимо отстаивают славу и счастье Родины. Председатель Гос. Думы Михаил Родзянко".

Поднесение Государю Императору фельдмаршальскаго жезла британской армии.

16-го февраля вт. Царскую Ставку прибыли английской службы генерал сэр Артур Паджеть и капитан лорд Пемброк, командированные по повелению короля Великобритании Георга V для поднесения Его Величеству Государю Императору жезла фельдмаршала английской армии.

В 7 часов вечера генерал Паджеть с лордом Пемброком, в сопровождении назначенного состоять при нем поручика барона Рамзая, прибыли в помещение, занимаемое Его Императорским Величеством. Здесь к этому времени собрались министр Императорского Двора, начальник штаба Верховного Главнокомандующаго генерал Алексеев, с генерал-квартирмейстером генералом Пустовойтенко, флаг-капитан Его Императорского Величества генерал-адъютант Николь, дворцовый комендант Свиги генерал-майор Воейков и лица Государевой Свиты, английской службы генерал Виллиамс и адмирал Финмор с состоящими при них английскими офицерами.

Когда Государь Император изволил выйти к собравшимся, генерал Паджеть обратился к Его Величеству со следующей речью на английском языке:

"По повелению его величества короля, я имею честь поднести Вашему Императорскому Величеству жезл фельдмаршала британской армии. Мой августейший повелитель вверит, что Ваше Императорское Величество примет этот жезл как знак его искренней дружбы и любви и как дань уважения героическим подвигам русской армии.

Хотя разстояние, разделяющее их друг от друга, не дало до сих пор возможности русской и английской армиям сражаться плечо к плечу против общего врага, они все же объединены твердой решимостью победить этого врага и не заключать мира, пока победа не будет обеспечена. Они борются ради общего дела и воодушевлены тем же духом.

Британская армия, которая разделяет восхищение его величества короля ее русскими товарищами, приветствует Ваше Императорское Величество как британскаго фельдмаршала, и король твердо вверит, что русская и британская армии, вместе с их доблестными союзниками, не пренебрегут обеспечить своим странам прочный и победоносный мир".

Затем генерал Паджеть поднес Государю Императору жезл фельдмаршала английской армии.

Государь Император, приняв жезл, изволил прочитать генералу Паджеть передать королю Георгу благодарности Его Величества за оказанную высокую честь поднесением жезла и изволил выразить уверенность, что в недалеком будущем английская и русская войска будут сражаться плечо к плечу против общего врага.

Генерал сэр Паджеть и капитан лорд Пемброк были приглашены к Высочайшему столу.

Во время завтрака Государь Император провозгласил следующий текст:

"Я с большим удовольствием пью за здоровье его величества короля Георга. Моего дорогого двоюроднаго брата, друга и союзника".

Победы у Германіи бытъ не можеть. Одна изъ крупныхъ шведскихъ газетъ «Dagens Nyheter» въ статьѣ, посвященной вопросу о возможныхъ нѣмецкихъ операцияхъ въ предстоящей весенней кампаніи, говоритъ, что наступленіе германцевъ вѣроятнѣ всего будетъ предпринято противъ Россіи. По нѣмьцкой газетѣ, надежды нѣмцевъ отдѣлать Россію отъ союзниковъ теперь менѣе осуществимы, чѣмъ когда-либо. Минувшій годъ доказалъ, что ни дипломатическими попытками ни нѣмецкимъ продвиженіемъ впередъ этого нельзя добиться отъ Россіи. Россія много сильнѣе, чѣмъ можно думать, партія за миръ незначительнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а выдержка нервовъ изумительна. Россія можеть быть побѣждена только послѣ того, если она будетъ разбита по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Но этой возможности не вѣрятъ сами нѣмцы. Знать оказалось достаточно для русскаго военнаго министерства, чтобы совершенно реорганизовать армию. Призваны милліоны, вопросъ о затрудненіяхъ по части военнаго снабженія встаетъ. Россія въ данный моментъ сильнѣе и лучше подготовлена къ войнѣ, чѣмъ когда бы то ни было. Предположимъ даже, — пишетъ газета, — самое нѣвѣроятное: нѣмцы слова продвинулись впередъ, но Россія все-таки не побѣждена, а нѣмцы еще въ болѣе трагическомъ положеніи передъ нападкой, гдѣ же уязвимое мѣсто Россіи. Помимо всего, у Германіи это не единственный фронтъ.

Можеть-бытъ, — спрашиваетъ газета, — Германія удовольствуется приобретениемъ и перейдетъ къ оборонѣ, но этотъ планъ, въ виду внутренняго положенія страны, еще фантастичнѣе, чѣмъ всѣ другіе.

Побѣды у Германіи бытъ не можеть, — заканчиваетъ органъ нейтральной печати.

«Эскадра воскресшихъ мертвецовъ». Такъ можно перевести характерное итальянское названіе — «La squadaccia della morte». Squadaccia — это презрительное уменьшительное отъ слова «Squadra» (эскадра) — оригинальная итальянская флотилія, которая вступила въ борьбу съ австрійскими судами. Интересныя свѣдѣнія о ней сообщаетъ въ «Южнѣмъ Краѣ» М. Перухинъ.

На протяжении многихъ лѣтъ, на военныхъ верфяхъ и въ арсеналахъ Италіи постоянно накоплялось «железо-похоть», т.е. старыя, отслужившія уже свой законный срокъ боевыя суда съ расхлябанными корпусами, съ истершимися отъ работы механизмами, суда безнадежно устарѣвшія типовъ и по конструкціи и по вооруженію. Суда эти мирно дожидались обычнаго безславнаго конца — быть проданными съ публичныхъ торговъ въ качествѣ стараго и ржаваго железа, отправиться на буксирѣ на какой-нибудь частный заводъ и тамъ быть разобранными по листу, по болту.

И вотъ, когда началась война, особенно же когда отъ ударовъ невидимаго, коварно подражающаго подводнаго врага погибли крейсера «Гарибальди» и «Амальфи», свершилось чудо: «морскіе мертвецы» ожили, встали изъ своихъ могилъ. На сданныхъ за нендобностью и негодностью въ архивъ устарѣвшихъ судахъ были подняты флаги, моментально были сформированы комплекты командъ, благо Италія богата смѣлыми и опытными моряками, и передъ глазами изумленныхъ австрійцевъ появились цѣлыя эскадры, проявившія поразительную дѣятельность въ дѣлѣ защиты родныхъ береговъ, и отчаянную смѣлость, и, что всего важнѣе, боеспособность. Дыры были залатаны, машины отремонтированы, днища, обросшія раковинами и ржавчиною, очищены, вооруженіе подновлено, и эти «скелеты пропавшаго» отчаянно понесли трудную службу, замѣняя собою болѣе современныя суда, которыми Италія приходится дорожить, которыя надо во что бы то ни стало беречь, пока не придетъ моментъ рѣшительнаго открытаго боя за обладаніе Адриатикой.

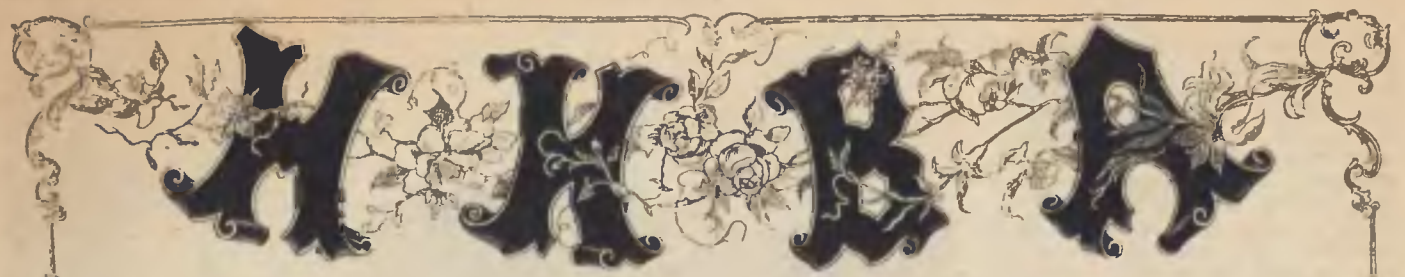
Та работа, которую совершаетъ эта «эскадра морскихъ мертвецовъ» Италіи, — она не бросается въ глаза. Она видна только по своимъ чудеснымъ результатамъ, которыми въ полномъ правѣ гордится Италія.

По эти чудесные результаты дорого достаются «живой силѣ», т.е. морскимъ командамъ воскресшихъ «труповъ». Въ старыя годы строителя боевыхъ судовъ менѣе всего заботились объ удобствахъ для командъ. Все приносилось въ жертву стремленію дать болѣе сильное вооруженіе или добиться лишняго уала скорости хода. Каждый свободный уголокъ на этихъ старыхъ судахъ занятъ — или пушкой, или миннымъ аппаратомъ, или угольнымъ бункеромъ. Команды, плавающія теперь въ нѣвѣроятно трудныхъ вообще условіяхъ военнаго времени на этихъ «воскресшихъ мертвецахъ», не имѣютъ и десятой доли тѣхъ удобствъ, которыя предоставлены въ распоряженіе ихъ же братья на современныхъ боевыхъ судахъ. А работу приходится нести по тяжести — двойную или тройную.

«Поэту войны», Габриэлю д'Аннунціо, пришлось поплавать и на этихъ «архивныхъ» судахъ, на этихъ музейныхъ древностяхъ. И вотъ какъ онъ отзывался о героическихъ командахъ этихъ судовъ:

«Это что-то фантастическое, это что-то непонятное. Смотришь, и принимаешь, — да гдѣ же предѣлы человѣческими силами, если эти силы упрямляются сознательно, полною энтузіазма волею? Для командъ этихъ судовъ единственнымъ мѣстомъ для сна и отдыха служатъ помѣщенія, находящіеся въ непосредственномъ соосѣдствіи съ машиннымъ отдѣленіемъ. Больше дѣваться некуда, когда тебя сломитъ усталость. А тамъ, въ этомъ кубрикѣ, тамъ буквально изжариться можно. Но эти люди, оторванные отъ плуа, отъ лошадей, отъ рыбачьяго весла, — они ухитряются отдыхать и спать въ этихъ печахъ огненныхъ, и потомъ снова становятся на работу какъ ни въ чемъ не бывало, свѣжые, бодрые, веселые. А работа?

Самымъ страшнымъ врагомъ современнаго боевого судна является подводная лодка и подводная мина. Этого врага надо выслѣдить. И вотъ десятки ваттенныхъ, стоя на палубѣ, вися на свастяхъ, по четыре часа подъ радъ, должны не спускать глазъ съ волнующейся поверхности моря, выслѣживая перископъ подводной лодки, выслѣживая причущуюся подъ поверхностью моря мину. Требуется нѣвѣроятное напряженіе зрѣнія и вниманія. И на нѣсколько минутъ, не четверть часа, не часть, а четыре часа подъ радъ! А на счету каждый человѣкъ, и дежурныхъ замѣнять некому. И вотъ эти люди молчаливо дѣлають свое дѣло. Обшариваютъ море своими взорами. Пропущиваютъ волны. И, бываешь, — едва дежурный отбудетъ свой срокъ и получить разрѣшеніе уйти со своего поста, онъ тутъ же сваливается, какъ куля, — засыпаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ уналъ. Долгъ исполненъ, поддержавшее чество на опасномъ посту напряженіе воли, напряженіе нервовъ — прошло, — и разомъ тѣло превращается въ инертную массу. Но долго отдыхать нельзя. И, смотришь, черезъ нѣсколько часовъ тотъ же Лундъ или Джованни снова дѣблается за снасти, и, качаясь, вливается взоромъ въ горизонтъ, обшариваетъ морской просторъ, ищетъ малѣйшихъ признаковъ близости врага».

№ 9. Выходитъ еженед. (52 №№ въ годѣ), съ прилож. 40 кн. «Сборника», содерж. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и Д. КОСТАРА, 12 кн. Литерат. и науч.-науч. прил. 2 новыя спеціальныя карты театръ военныхъ дѣйствій. 12 №№ «Новѣйшихъ модъ» и 12 лист. черт. и выкр. Выдаётъ 27 февраля 1916 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ — 10 р., на 1/2 года — 5 р., на 1/4 года — 2 р. 50 к. Цѣна этого № — 15 к., съ перес. 21 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Медальонъ.

Разсказъ Марка Кривичаго. (Продолженіе).

В. Изъ письма, присланнаго изъ полка отъ батальоннаго командира Жени и ее мать знали, что Андриуша былъ убитъ подъ деревней З. во время атаки, а Костя во время того же самаго боя пропалъ безъ вѣсти. Андриуша ударило осколкомъ снаряда въ голову, и тѣло его было найдено съ большимъ трудомъ два дня спустя послѣ боя, при чемъ его узнали по медальону на шеѣ съ его портретомъ. Его похоронили въ общей братской могилѣ съ другими офицерами въ верхнемъ ряду, вторымъ справа, если смотреть отъ ногъ. Медальонъ оставили послѣ нѣкотораго колебанія у него на шеѣ, и за эту трогательную заботу Жени была теперь въ особенности благодарна Андриушинымъ товарищамъ по полку.

На послѣдней станціи надо было выгрузить изъ багажнаго вагона металлическій гробъ и нанять лошадей. Теперь уже черныи футляръ, въ которомъ онъ скрывался, больше не пугалъ Жени. Напротивъ, ее радовало, что отъ дорогаго существа исчезаетъ все не сразу, и она не сомнѣвалась, что найдетъ драгоценное тѣло Андриуши и увезетъ его въ ихъ имѣніе, гдѣ похоронытъ возгъ церкви на маленькомъ кладбищѣ подъ душистыми

каждую весну березками. Какъ сладостно будетъ приходиться лѣтомъ по утрамъ къ нему на могилу и приносить ему полевыхъ цвѣтѣвъ. Жени отказала ей въ радости физической любви, но она сохранила для нея лучшія и высшія радости любви духовной.

Было много хлопотъ, когда уставляли гробъ на фурманку. Другихъ лошадей не нашли, и хохолъ, который уговорился ихъ довести до З., вѣроятно, удивился тому, какъ обѣ богатыя и красиво одѣтыя барыни, прѣхавшія издалека за такою ненужною вещью, какъ мертвое тѣло, храбро мѣшались маленькими ножками непротолкнутой грязи, оставили въ ней по временамъ калоши. Иногда то та, то другая изъ нихъ подсаживались сзади на фурманку съ косыми бортами безъ передка и задка, длинную, неуклюжую и дрожащую, и ѣхали позади громаднаго чернаго футляра съ гробомъ. Траурныя вуали ихъ намочили. Лица обвѣтривались, подолы платьевъ были въ налипшихъ комкахъ грязи.

Въ З. онѣ прѣхали къ вечеру и, несмотря на усталость, тотчасъ же отравились къ коменданту. Онѣ долго бродили по темнымъ улицами мѣстечка, перейдя небольшую рѣчку по тряс-

Батарея

Картина И. А. Владимірова.

Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Петроградъ, ул. Гоголя, 22.
СПЕЦІАЛЬНАЯ КАРТА
ТУРЕЦКАГО ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
(Россія, Великобританія, Италія, Турція, Румынія, Греція, Болгарія и Персія).
Съ картами: 1) Константинополь и его предмѣстья, 2) карта всей Турціи и 3) Босфорскій проливъ.
Съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ
всѣхъ (около 10.000) географическихъ названій, помѣщеніяхъ на картѣ, съ обозначеніемъ мѣстоимѣнія каждаго названія. Въ 6 красокъ. Размѣръ 82х134 сант., въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ.
Подъ редакціей проф. Ю. М. Шокальскаго.
Цѣна съ пересылкой два рубля.

ицему временному мосту, сдланному из нескольких косо-поваленных заборов. Наконец на них наткнулся наш патруль, который отвел их к коменданту. И солдаты, из которых один осыпал их при встрече лица фонарем, и комендант в уютно обставленной австрийской квартире, сейчас жарко натопленной, смачата осматривали пропуска, а потом отнесли к ним с ибжною, чисто-родственной заботливостью.

— Неужели вы хотите фхать сейчас же?—говорил комендант, высокий офицер с памятными погонами и срыми улыбающимися глазами.

Он улыбался тому, что там, на далекой родине, есть такая женщина, которая время от времени приезжают сюда в холодный втер и сикоть за тлами дорожных покойников. И ему, очевидно, понравился Женить, отбыв, что он не могут отложить своей поездки на минуту ни на минуту.

— Что с вами подблаеть?—сказал он снисходительно и приказать заложить для барынь экипаж.

Еще больше тронуло Женю, когда в числ своих провожатых она и ея мать увидели самого коменданта и еще какого-то офицера, фамилию которого, когда он им представлялся, он не успел разобрать. Солдатик, знавший, где «офицерская могила», угнзился па передк фурманки возлг гроба, рядом с хохлом, и они по-фхали, освещая себя иськолыми фонарями темную дорогу вглубоких рывинах.

Надо было пробхать австрийскую могилу за помщичьим фольварком и у лба свернуть с дороги в поле. Поднялись шагом. Комендант, который фхал рядом с коляской, рассказывал о бою под Городком, где наши девять дивизий под начальством генерала Радко-Дмитриева удержали натиск двадцати одной австрийской дивизии, которая были брошены на освобождение Львова. И из его рассказа Женя видела, что на мойн все происходит обычно не так, как это представляешь себя по книгам и газетам. Люди ходят совершенно так же, как и раньше, от деревни к деревни, но только это люди вооруженные, и оттого их встречи кончаются иногда друг для друга плохо. Когда горит рядом деревня, это совсем не страшно, а даже хорошо, потому что тогда бывает светло и видно, куда надо бжкать и куда стрляеть артиллерия. А когда сражаешься, перед тобою только маленький кусочек поля или какой-нибудь ручей, который надо перебжжать. Вот и все. А что будет дальше, это неизвестно. Может-быть, смерть, но это совершенно не важно. Важно только, чтобы «подлецы австрийцы» не удержали в своих руках того или другого бугра. И бу-

Кавказский фронт.

источника.

горь этот вовсе не простой бугор, потому что для каждого военного, который должен умереть, война непременно имет смысл. Нельзя умереть просто так, без смысла.

Заговорил, напрымь, солдатик, который фхал на передк фурманки, и было видно из его слов, что для него война тоже имет смысл. Комендант его спросил:

— Семенов, твой брат умер от ран?

— Так точно,—ответил он:— может, и мы помрем. Нешо у себя в деревн, так-то лежа на печк, лучше умереть совсмь зря? Умирать, ваше высокоблагородие, все равно, как говорится, от Господа Бога положено один раз, как ни вертись.

Здсь все люди были совсмь другие, чьм в тылу. Смерть ходила рядом с ними, и оттого они были яснее, привтливее и чище. С ними было хорошо фхать в эту темную ночь по темной дороге, когда каждая косточка ботла от усталости.

Сбоку, в блеск фонарей, сверкнула бллая каменная стна фольварка.

— Тут австрийская могила,—сказал солдатик Семенов.

В самом низу стны тянулась визкая и широкая длинная песчаная насыпь. Иськолько полинявших красных флажков жутко трепались по ветру. Было мучительно подумать о тьх, кто, зарытые прямо в одежд, без гробов, лежат под этою низенькою насыпью. Может-быть, это оттого, что могила была чужая, враждебная. Но как можно чувствовать вражду к умершему врагу? И было вдвойн страшно от этой могилы, где лежали покойники, о которых не знаешь теперь, нужно ли их жатть или попрежнему чуждаться.

Могилы мелькнула и скрылась. Полинятые влажные флажки, сиротливо трепетавшие на ней, еще один момент беспокоили ее в воспоминании. Потом она подумала:

«Но вдь у них тоже есть свои близкие, которые сумбуют их опла-кать».

Правда, нет ить возможности при-фхать сюда, чтобы повлакать на их могил, или взять с собою их останки. О, насколько она, Женя, была сейчас счастливее их! Но было стыдно перед самой собою гордиться этим печальным счастьем.

И Женя начала думать вновь с своей любви к Андриюш. Теперь, когда она думала о своей любви, она не испытывала больше противорчий. Для того, кто любить, можно все.

Долго искал во мрак дороге к лбу. Семенов ушел с фонарем в поле и не возвращался. Дождь перестал накрапывать, но было холодно, и у Жени заоченьли руки и ноги. Наконец Семенов молча вернулся, и фурманка настойчиво двинулась дальше.

«Значит, опь нашли. Милый!»—

Кавказский фронт. Прибытие раненых на пункт.

Кавказский фронт. Перевозка раненых кратчайшим путем.

подумала Женя, испытывая радостное колебание слез в груди. Ей хотлось бы поцбловать руку Семенова за то, что он такой чудный. Никому не хотлось больше разговаривать. Понимали, что настала минута свиданья. Молчали, чтобы не оскорбить ее чувств. Но ей думалось:

«Милый, как вы не понимаете, что он для меня жив».

И ей было немного досадно, что они думают, что Андриюша мертв, что от него осталось одно его холодное тьо. Но это было оттого, что их сердце пока еще молчало для той великой любви, которая снизошла на ея душу. И именно оттого они не смьли сейчас говорить. Им казалось сейчас, что вокруг них только холодная и сырая ночь, вязкая и грязная дорога и затерянная у незнакомаго лба могила. Вброятно, они думали, что ея душа сейчас стиснута таким же холодным ужасом и проклятьем. И, чтобы они так не думали, она сказала:

— Вдь мы сейчас в милой и родной нам Галиции. Но никто не ответил. Они хотли, чтобы на сердц у нея было сумрак. Только мама пожала ей руку: вброятно, она поняла.

Фурманка впереди со стуком и хлопьямь колес свернула с дороги влво. Видно было, как она с трудом выдернула задни колеса.

— Эй, кучер, не поймай дессоры!—крикнул Семенов.

Сильно накренившись, коляска нырнула в канаву и, содрогаясь всем кузовом, вышла на мягкую пашню. Лошади побжжали точно по бархату.

— Теперь скоро?—спросила Женя.

— Надо-быть, где-нибудь тут!—крикнул Семенов.

Втерь прекратился.

— Сталотеплее,—сказала Женя.

Ей хотлось говорить. Ей хотлось, чтобы все услышали, как спокойна и радостна ея душа.

— Оттого, что справа лб,—сказала осторожно комендант, очевидно,

думая, что ему стдуст вы- бирать слова.

Все они думали, что се надо падить. Как смшно! Ей хотлось улыбаться. Вдь сейчас она увидит Андриюша, опять коснется его руками. Это было как чудо.

— Отчего все молчат?—сказала она ясно и звонко. — Отчего надо молчать, когда из жизни ушел тот, кого мы любили? Наоборот, по- моему, надо говорить. Я никогда не понимала, отчего все начинают молчать, когда умирает кто-нибудь близкий. Как странно!

Тяжелая рука матери легла ей на руку, точно желая ее успокоить.

— Да ить же, мама, ты напрасно. Мн так хорошо.

Но та сжимала ея руку сильнее и сильнее. И все по- прежнему молчали. Вброятно, они думали, что она немного сошла с ума. Ну что же, пусть.

Женя еглядывалась по сторонам. Теперь уже справа были ясно видны мохнаты лапы и прямые стволы соснового лба. Оттуда несло теп-

ломь и запах хвои. Но у Женя было такое чувство, точно теплом вдеть от приближения к могил. И от этого сильно стучало сердце. Ей хотлось выпрыгнуть из экипажа и бжкать.

Наконец передний фонарь остановился.

— Вот и приехали,—сказал комендант тьм же неестественным голосом.

Он стбз с лошади. Коляска остановилась.

— Гд? Гд?—спрашивала Женя. И вдруг увидла большой темный крест, точно часть теплой окружающей тьмы. Упал свет фонаря. И Женя поняла, что крест был деревянный, только-что сдланный из двух толстых брусков. Она хотла себя убрить, что это как раз то, что она надблалась увидеть, но ей было все же страшно и почему-то мучительно смотреть.

— Скорее, скорее!—попросила она.

Но ея не слушали. Мать тяжело опустилась перед могилой на колени и, перекрестившись, поклонилась в землю. Оба офицера, солдаты и хохот, привезший гроб, обнажив голову, тоже перекрестились. Все они знали, что надобно теперь длать, и

Кавказский фронт. С продуктами на передовые позиции.

Кавказский фронт. Землянка пехотного полка.

только не знала этого она одна. Ей едѣлаея страшнѣе лѣсъ, волиѣ котораго они стояли, и огня, и понурая голова хохла съ длинными усами. Ей хотѣлось вздохнуть, но изъ лѣса вѣяло душнымъ тепломъ. И все было такъ отчетливо и оскорбительно ясно.

И вдругъ она поняла, что не хочетъ и не можетъ этого принять: ни этого креста, ни этой ночи, ни того, что она стоитъ здѣсь передъ этой чужой и страшной могилой. Ей хотѣлось биться и кричать:

— Я не хочу, я не хочу!

П, сжимая пальцы и поднявъ плечи, она отвернулась отъ могилы въ темноту.

— Ну, надо приступать, — сказала голосъ коменданта.

Кто-то подошелъ къ ней и положилъ руку на плечо. Это мама. Повернувшись бокомъ, Жени видѣла, какъ покачулся крестъ.

— Вѣнокъ... упадетъ вѣнокъ, — сказала она, замѣнивъ съ того боку, гдѣ стояла, небольшой хвойный вѣнчекъ, укрепленный на гвоздяхъ.

— Онь, барышня, крѣпко, — сказала Семеновъ.

Кавказский фронт. У колодца.

Крестъ вывернули и отнесли въ темноту. Въ рукахъ у обоихъ солдатъ блеснули заступы. Сначала они разметали низенькую и длинную насыпь, такую же, какъ у австрийской могилы. Потомъ начали рыть съ двухъ противоположныхъ концовъ, далеко отступая отъ могилы, точно собираясь рыть рядомъ еще двѣ новыхъ могилы.

— Чтѣ они дѣлають? — въ страхѣ спросила Жени.

— Подступы, — сказалъ комендантъ: — чтобы легче было сойти внизъ.

— Не смотри, — сказала мама, отводя ее дальше къ сторонѣ.

Сзади было слышно, какъ чиркало о камешки острое желѣзо. Рыли долго. Дѣлали краткую передышку и рыли опять. Фыркали лошади, звеня сбруей, и ночь казалась обыкновенной и страшной. Женѣ хотѣлось вспомнить свою большую любовь, но нѣ душѣ были только вялость и тушость. Чиркало желѣзо, хрипѣли лошади, позванивала сбруя.

Она положила въ тоскѣ голову матери на грудь.

— Мама, и не могу, — сказала она: — все вто теоріи. Мама,

скажи, гдѣ взять мнѣ мужества? Мнѣ не страшно умереть, но страшно это пережить. Мама, гдѣ мнѣ взять мужества?

Но мать молчала, поглаживая ее по спинѣ. Ей было хорошо: вѣдь не она потеряла Андрея. Она любила ее, а она была жива. Вѣдь Андрей принадлежалъ только ей, и поэтому она была сейчасъ у этой могилы совершенно одна.

— О, утѣшь меня, мама, мама! — сказала она. — Неужели ты не понимаешь, какъ мнѣ тяжело? Мама, мама, вѣдь я должна теперь жить. Ты это только пойми!

Мать смотрѣла на нее съ непонимающимъ, но сокрушеннымъ лицомъ.

— Пусты меня! — крикнула Жени. Она знала, что ее голосъ сейчасъ дикъ и страшенъ. — Я хочу видѣть, какъ его отрываютъ. Согласись, это мое право.

Это говорила она, но это говорила въ то же время не она, а кто-то большой и страшный, кто сидѣлъ въ ней. Онъ былъ настолько страшенъ, что могъ повелѣвать людьми. Когда она подошла къ краю зияющей ямы, эти люди перестали рыть.

Они стояли въ ямѣ по самую грудь, прямо на тѣхъ, кто былъ похороненъ. Они давили ихъ своими ногами, потому что они были живые и смѣли это дѣлать.

— Оставьте ихъ... не смѣйте этого дѣлать! — сказала Жени, но наверху ее не поняли. Поняли только стоящіе внизу.

— Барышня, уже! — сказалъ Семеновъ, извиняясь. — Эй, свѣти сюда фонаремъ! — крикнулъ онъ, хохлу. — Тутъ брезентъ, — продолжалъ онъ, нагибаясь.

Теперь Жени явственно видѣла два черныхъ подхода съ обѣихъ противоположныхъ сторонъ ямы. О! Даже отрывать могилъ имѣть свою собственную страшную технику. Жени сбѣжала внизъ по черному рыхлому грунту. Оба солдата тянули съ разныхъ концовъ край тяжелого брезента, полный комьевъ земли. Наконецъ имъ удалось поднять его къверху. Стало тяжело дышать. Она хотѣла что-нибудь увидѣть и не могла.

— Барышня, мы подыдемъ наверхъ, — сказалъ Семеновъ.

Кавказский фронт. строить мостъ.

Они освѣщали фонарями что-то не похожее на землю. Всмотрѣвшись, Жени увидѣла, что это сукно защитнаго цвѣта, потому что дальше къверху увидѣла сапоги, торчавшіе круглыми носками вверху... одну, другую, третью пару. Она поняла, что стоитъ въ головахъ могилы. Что-то страшное чернѣло у ногъ. Это — лица. Лица, ставшіе какъ земля.

Кто-то взялъ ее за талию, но только не мама. Она услышала сдержанно-ласковый, но настойчивый голосъ коменданта:

— Дорогая, пойдите же наверхъ.

Да, конечно. Она мотнула ему головой. Вѣдь она же не знала, который изъ нихъ Андрюша. Обернувшись, она видѣла, какъ Семеновъ и другой солдатъ подняли одно неподвижно-твердое гѣло изъ ямы.

— Этотъ самый, — сказалъ другой солдатъ.

Кавказский фронт. Полевая корпусная хлѣбопечарня, отапливаемая нефтью.

Тело в таких же страшных черных сапогах, как у всех, с круглыми торчащими вверх носками, положили на траву. Другой офицер хлопотал у фурманки, на которой продолжал еще стоять гроб.

Женя смотрела издали, все еще не смая подойти к тому страшному, что означало Андриюшу. Семенов раздвинул пугавцы на шею у лежащего трупа, у которого точно так же, как и у других, вместо головы было что-то черное, и сказал:

— Они самые.

«Почему?» — подумала она и вдруг поняла, что это там ее портрет. И точно так же, как и у других, вместо головы было что-то черное, и сказала:

«Это Андриюша».

Она бросилась вперед, но за один шаг что-то удержало ее. Она упала на колени и, обхватив голову руками, не смела приблизиться к трупу, потому поплзла и, преодолевая отвращение и ужас, осторожно взглянула в то место под черным подбородком, где были раздвинуты пугавцы ворота. Еще она увидела обнаженные белые зубы, но точно так же опустила глаза.

Ей хотелось навсегда сохранить в памяти образ прежнего Андрия. Дотянувшись, она нащупала рукой холодный медальон и тонкую цепочку.

— Пусть, — сказала она голосом измененным от рыданий: — пусть это навсегда останется на нем. Он носил это в дни разлуки и в смертный час. Оставьте, не трогайте...

Она выпрямилась на коленях и посмотрела с нелюбимой ласкою на покорно лежащий, теперь такой ей милый труп и прибавила:

— Он этим связал навсегда меня с собою.

VI.

После глупого спора с Костей и проиграв ему на пари последние двадцать пять рублей, так что в кармане осталась одна мелочь, Андрей был сердит. Не дождавшись до второго разбега, победив, как все и ожидали, остановился на первом.

— Это уже такой закон, — сказал поручик Юрасовский с мягким акцентом, как у хохлов.

Он держал банк. Играли в двадцать одно. Но игра не клеилась. Стали расходиться. Карты перешли к Косте.

Вдруг он обратился к скользящему и злому Андрею. В глазах его был спокойный и уверенный вызов, с которым

Кавказский фронт. В долине р. Евфрата. Группа пленных во главе с командиром Мухомановым мандармского батальона.

он обыкновенно говорил с мужчинами, неприятными ему и враждебными.

— Я видел у тебя на шею одну вещь. Хочешь, сыграем?

Сначала Андрей только удивился, потом густо покраснел. Но это, пожалуй, было очень похоже на Костю, и он усмехнулся. Пальцы у Кости, жадно тасовавшие карты, нетерпеливо вздрагивали. Он даже опустил глаза, боясь, что Андрей прочтет в них слишком жадный блеск и откажется от предложенной игры.

«Собственно, он считает меня за окончательно падшего», — подумал Андрей, но ему сделалось скорее жаль Костю, чем обидно на него.

И захотелось Костю помучить. В самом деле, чорт бы его взял, это еще вопрос, кто в данном случае поступил бы хуже: он, который принял бы Костю предложение, или Костя, который его сделал? Оба хороши мальчики.

— Идет... Чего там... — сказал Андрей.

Ему было велено назначить большую цену за такую вещь и, кроме того, хотелось вернуть пари.

— В двадцати пяти рублях, — сказал он.

— В банк двадцать три, — сказал Юрасовский.

Костя добавил два рубля. В купе оставались только они трое.

Костя сдал карты. Андрею не хватало десяти очков.

«Ну же, если я попрошу у него сейчас карту, это будет непременно туз? — подумал Андрей. — Во всяком случае, вероятность малая»...

Он попросил карту. Костя с презрением выбросил ее.

— Прошу осторожнее, — сказал сурово Андрей.

Он поднял карту, упавшую с дивана, вполн уверенный, что это не туз и даже, наоборот, валет, так что не только не одудеть перебора, а даже будет глупый недобор, несмотря на весь сделанный им риск. И от этого он считал себя вдвойне в прав так поступить.

— Туз, — сказал он с недоумением и испугом, открыв карту.

Все это произошло необыкновенно быстро.

Юрасовский захохотал. Костя, напротив, остался чрезвычайно серьезным. Он собирал карты, высоко поднимая брови. Андрею хотелось открыть на его губах хотя бы тонкую усмешку, но они были неподвижны, и даже было что-то торжественное в общем выражении его лица и осанке всей фигуры.

Юрасовский, еще немного посматывая из-за вожливого, вышел. Андрей с неприятным чувством сорвал с шеи медальон и бросил его Косте. Ему хотелось видеть в этом непременно сближенную сторону. Но Костя с деловым видом спрятал медальон в свой изящный новенький бумажник,

Кавказский фронт. Сарты со своими верблюдами, составляющие вьючный транспорт.

Кавказский фронт. Молоканский военный транспорт. Молокане, отличные хозяева, приносят каавказской армии большую пользу, поставя прекрасных лошадей и вместительные фургоны.

встать безукоризненно вжививо и даже сказать по-товарищески:

— Пойдем, однако, посмотрим... Что-то стало тихо.

Он щадил Андрея, потому что считал его сейчас особенно морально-интересным.

— Довольно? — спросил его Андрей.

— Не будем никогда говорить на эту тему, — сказал Костя, остановившись и дотронулся ему рукой до плеча: — есть, мой милый, вещи... Он задыхнулся. — Об этом мы с тобой поговорим когда-нибудь потом.

Он сдержанно улыбнулся. Андрей близко видел его сухие, презирующие глаза с толстыми тяжелыми веками и слышал неприятный запах одеколона, распространившийся от его тулупа.

— Сейчас мы должны думать о том большом, что называется войною, а все наши личные недоразумения мы можем отложить...

— Поди ты к чорту! — сказал Андрей.

Костя вздрогнул и поднял плечи, потом опустил веки и медленно вышел.

— Не устаивает, — сказал себе под нос Андрей: — вот кикимора!

И его разбирало сейчас зло на Женю, зачѣм она повѣсила ему на шею этот глупый медальон.

— Бабы! Вот именно: бабы!

VII.

В пограничном городке Бродях простояли недолго. Вечером на другой же день, когда на улицах не было ни души и даже всюду были потушены фонари, выступили в поход. Полк двигался темною безвидною массой. Шли в молчании, и только звякали котелки. Окна всюду были плотно завешены. Город казался предательским и враждебным, в особенности после вчерашней стрельбы на одной улице по нашим.

Война уже перестала быть чѣм-то воображаемым, а сделалась фактом. И самое интересное в ней было отсутствие обычного штатского сознания, что кто-то где-то должен тебя охранять. Теперь каждый из них, энергично шагающих в общем потоке в враждебным камням мостовой этого первого австрийского города, должен был охранять сам себя. Правда, их было много, но чувства стадности не было ни у кого. Каждый чувствовал себя ответственным сам за себя, и это совершенно новое состояние пришло к Андрею.

Ему даже казалось, что это новое состояние как раз есть самое нормальное для человека. Правда, штатское сознание приводило ему разные свои доводы: оно говорило ему, что война есть состояние временное, что гораздо выше мирный труд и охрана всех живущих мирными государственными установлениями.

Но это было скучно. Напримѣр, Андрей с большим удовольствием мог бы увидеть телеграфные столбы с по-

равной, спутанной и вишней проволокой. Смѣшно ему казалось, что так, как теперь, гораздо лучше. Нравится ему и город, погруженный в темноту, и пустынно, может быть, злобно притаившиеся жители.

В войну ему нравились откровенность и прямота. Довольно дипломатия, потому что дипломатия есть обман и ложь, попытка завушевать словами истинное положение вещей. А это — самое худшее.

Вышли из городского предместья и всю ночь шли по аккуратно, по-нѣмецки, прямому и по-нѣмецки же неприятно-узкому шоссе. Их полк шел на пополнение резерва, и, значит, дело предстояло еще не скоро. Постепенно глаза начинали различать отдаленную холмистую по-

верхность, покрытую лесом. Ночь переходила в чуть прихвѣтное синее утро. А они все шли, и никто не чувствовал усталости.

Потом свернули с дороги на свѣжий грунт и пошли цѣльной. Охватила торжественная тишина. Только слышны дышали груди. Вышли опять на дорогу, прошли сожженное мѣстечко с высившимися кое-где остовами обгорѣлых печей, перешли в глубокий ручей, рядом с обрушившимся деревянным мостом, и стали подниматься в гору. Холмистая гряда, покрытая лесом, которую они видели раньше издали, почти исчезла, и только просто сама мѣстность, покрытая редким кустарником, неприятно поднималась в гору. Лѣвый сапог у Андрея начинал сильно жать в подъем, и только это его сейчас серьезно огорчало.

Ему почудился в отдалении глухой орудийный выстрѣл.

— Канонада, — сказал кто-то сзади сочно и явственно.

Мѣсто боя, очевидно, приближалось, но, судя по замутненности выстрѣла, оно было еще далеко. Вдруг передняя рота остановилась. С правого фланга зачѣм-то проскакали казаки. Видно было, как головная часть колонны начала быстро погружаться в кусты. Андреем овладело волнение. Ему показалось, что произошла тревога. На лицах окружающих он читал то же. К нему подошел Юрасовский и сказал тихо, но явственно, и он понял, что это команда:

Ваше направление вот эта сосна со сломанной верхушкой. И, как бы отвѣчая на его недоумѣние, впереди в кустах заговорила ружейная перестрѣлка.

Кто-то сказал:

Кавказский фронт. Молокане-фургошники, обслуживающие интендантство

Кавказский фронт. Сборы к отъезду на передовые позиции.

Обошли.

Неприятно дрогнуть воздух, и Андрей не столько услышать, сколько понять, что это близкий орудийный выстрел. Что-то тошнотворно-отхаркивающее и гадкое. Он инстинктивно пригнул голову. Ему стало стыдно, и он оглянулся на прочих. Соседняя полурота, плавно загигая, отблываясь от его людей. Он крикнул команду, по его не услышали, и ему стало от этого вдвойне стыдно.

«Значит, я трусь, подумал он: какая гадость!» Темным столбом в десяти сажнях разорвался снаряд. Андрей оглянулся на свою часть и увидел, что она уже впереди. Как это случилось, он не мог понять. Потом он вспомнил себя уже впереди своей части, рядом со стариком фельдфебелем. Тучный фельдфебель остановился, снял фуражку и вытер лысину красным платком. Андрей понял, что здесь надо остановиться и ждать приказаний.

— Сильно жмет сапог в подъеме, — сказал он фельдфебелю. Но тот слѣдять за тѣм, как ложился снаряд.

— Неужели наши, ваше благородие? — сказал он наконец, смѣясь. — Вот уж именно Бог спас. Не приведи Господи, какая каша.

Впечатлѣно было такое, что снаряды летят прямо на них. Но Андрей теперь знает, что, раз полет слышен над головой, то это уже не страшно. Въ этом же его убѣждает перелет снарядов, черными смѣшными столбами ложившихся далеко въ сторону.

Теперь не было страшно. Скоро был получен приказ идти въ атаку. Саперы, пригнувшись около кустов, поползли, как кошки, подстерегающа добычу. Вышли на крутую поднимающуюся вверх поляну и побѣжали.

«И как все это случилось вдруг! — удивился Андрей. — Значит, не одни мы подкрадывались ночью».

И въ немъ больше всего говорил сейчас инстинкт игрока, который знает, что его намѣренія разгаданы партнеромъ.

Онъ понимает, что они сейчас бѣжали под обстрѣломъ. Зналъ также, что ему сейчас пробил фуражку пулею нечисто выше лѣваго виска. Но его гораздо болѣе заботило, что онъ бѣжалъ, хромая отъ узкаго сапога, и онъ ругалъ приказчика, который уговорилъ его въ офицерскомъ экономическомъ обществѣ взять именно эти сапоги. Отъ подъема въ гору и быстро бѣга мутило сознание. Онъ вѣдухъ считалъ шаги, оставшіеся до чернѣвшихъ впереди проводочныхъ заграждений, низенькихъ и подлыхъ, которые говорили о человѣческой трусости. Червяками возить ихъ уже пытались наши саперы.

Шаговъ пятьдесятъ, считалъ онъ: тридцать...

Ему казалось, что онъ никогда не добѣжитъ или, если добѣжитъ, то тутъ

же умереть отъ жажды, или у него не выдержитъ бьющее сердце. Было смѣшно то, что теперь онъ и фельдфебель уже не бѣжали, а просто шли подъ огнемъ. Это было дождь или градъ. Андрей невольно нагнулся, загнувшись о что-то. Это были наши солдатики. Онъ сидѣлъ, откинувшись навзничь, и, точно прислушиваясь къ чему-то, серьезно поглядѣлъ въ глаза Андрею. Андрею стало неловко передъ этимъ взглядомъ чужака, для котораго было уже все кончено. И, перепрыгнувъ черезъ него, онъ побѣжалъ дальше. Еще онъ помнилъ конецъ торчавшей проволоки, о которую больно опаралась себѣ руку. Потомъ на него пахнуло свѣжестью лиственного лѣса съ желто-красными листьями дуба и клена. Должно-быть, въ быстромъ бѣгѣ онъ пробѣжалъ по козырьку вражескаго окопа и перепрыгнулъ черезъ глубокую траншею, потому что сзади изъ темной щели выглязали глупо и неуклюже блондины, съ крошечными голубыми глазами, въ сѣро-голубыхъ шинеляхъ и медленными и

дѣловито складывали руки и прикладами вперед. Фельдфебель ихъ пересчитывалъ, хозяйственно отдуваясь. На остромъ птичьемъ носу у него висѣла капелька пота.

«Значит, я не трусь», думалъ Андрей: — и я теперь настоящий человекъ. Но что собственно произошло и гдѣ мы?»

Этого онъ не знаетъ и не понимаетъ. Впрочемъ, какой-то главный ходъ былъ выигранъ. Это было для него, какъ для игрока, совершенно ясно. И война понравилась ему еще больше.

...Больше всего удивился Андрей, когда почувствовалъ, что уже вечеръ, и между стволами деревьевъ показалась походная кухня, отъ которой пахло ароматными щами. Солдаты шутили точно на маяврахъ. И только странныя фигуры въ сѣро-голубыхъ шинеляхъ съ лицами такими же добродушными, какъ у нашихъ солдатъ, сразу перенесли въ боевую обстановку.

Андрей пошелъ вдоль занятыхъ австрійскихъ окоповъ отыскивать ротнаго. Хотя секреты были выдвинуты далеко, въ глубь лѣса, но неизвѣстность мучила до такой степени, что даже не хотѣлось вѣтъ щей. У ротнаго, высокаго и тучнаго бронеца, штабса-капитана Кругликова, было точно такое же настроеніе.

— Кто ихъ знаетъ, куда они попрятались? — говорилъ онъ кисло морщась.

Въ полномъ боевомъ снаряженіи, съ большой черной окладистой бородой, онъ былъ похожъ скорѣе на какого-то южно-славянскаго носоводу, чѣмъ на ряднаго офицера русской арміи.

Но даже эта неизвѣстность радовала Андрея. Если бы было можно, онъ самъ ушелъ бы и залегъ въ секретъ. Теперь онъ въ особенности понималъ, что на войнѣ, какъ въ игрѣ и въ жизни, первое руководящее значеніе имѣетъ смѣлый замыселъ

Кавказский фронт. Пулеметы въ укрытіи на позиціи

и вѣрно рассчитанный планъ. И его злило, что этотъ планъ знаетъ сейчасъ гдѣ-то кто-то тамъ другой, а не онъ самъ. Андрей. Онъ принялъ бранить штабныхъ. Но его мѣлкію, было неумѣтельно просмотрѣть обходъ. По своему своему характеру, Андрей считалъ возможнымъ обходить другихъ, но не былъ обходнымъ самому. И вотъ теперь стой передъ этимъ лѣсомъ!

Кто-то положилъ ему сзади руку на плечо. Это былъ Костя.

Ну, вотъ и ты, — сказалъ онъ.

Успокоился и живѣе, — сказалъ грубо-васѣшливо Андрей.

Но Костя на этотъ разъ странно не разсердился. Можно тебѣ сказать два слова? — попросилъ онъ. Во-первыхъ, у тебя сильно опарана рука.

Андрей, въ самомъ дѣлѣ, ощутилъ сильное жженіе въ рукѣ, и Костя сдѣлалъ отъ этого ему вдвойнѣ неприятно. Вспомнилась пошлость съ медальономъ, которую онъ допустилъ. Но Костя вѣять его подъ руку.

Я поступилъ нехорошо, — сказалъ онъ, и лицо у него было разонерски вислое: все-таки надо помнить, что мы переживаемъ важныя минуты.

Что тебѣ нужно? — сказала Андрей, который органически не выносилъ этой книжной манеры разговаривать.

Если я тебя обидѣлъ, прости, — сказалъ Костя. — Знаешь, сегодня я почувствовалъ, что непременно буду убитъ, продолжалъ онъ, неприятно улыбаясь: — и я очень радъ, что сейчасъ тебя вижу. Это не трусость, но это мое глубокое убѣжденіе. И если хочешь, я радъ. Ты — счастливѣе, Андрюша.

Отвернувшись, онъ схватилъ большую руку Андрея воистину кисти, точно хотѣлъ причинить ему боль.

Ну, пока прощай!

Не поворачивая лица, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, потомъ остановился.

Это останется у меня, не правда ли? — сказалъ онъ вѣрнѣе всего.

Ты выигралъ, сказалъ Андрей, которому не нравились все эти сантиментальности.

Совсѣмъ не то... Ну, все равно... Ты меня не понимаешь... Я поступилъ съ тобой безчестно.

Поди ты! — разсердился Андрей.

Больше всего его удивило сейчасъ, что Костя обратился къ нему съ такими пустяками.

«Должно-быть, это и есть въ самомъ дѣлѣ любовь, — подумалъ онъ. — Въ общемъ, ужасно неприятная исторія».

Костя шелъ, не оборачиваясь и деликатно выбиралъ ногами удобныя кочки.

Быть ему адептантикомъ! — рѣшилъ Андрей.

(Окончаніе слѣдуетъ).

На кавказскомъ фронтѣ. Раненый турецкій аскеръ по дорогѣ на перевязочный пунктъ.

Проводы.

Свѣтомъ занесены бѣлые низкія хаты, Бѣлые сумерки смотрятся въ окна и хмурятся; Сонной деревней прошли новобранцы-солдаты, И веселой они огласили всю улицу...

Звѣздами яркими искрятся, блещутъ сугробы, Поле окутано снѣгомъ призрачной дымкою, Въ вѣрности кто-то кому-то клянется до гроба И печаль вѣетъ вѣетъ невидимкою...

Сумрачный мѣсяцъ робко-пугливо маячитъ, Скринувши гдѣ-то болѣзненно, тихо такъ шери, Тамъ у каміны кто-то невидимый плачетъ, Жалко кому-то близкой недавней потери...

Иль намеконъ и улыбокъ Были сотканы мечты, Но мечтаній бредъ такъ зыбокъ, Хрупки счастья цвѣты... Затуманились дали, Опивѣли цвѣты весны; И такъ грубо разгадали Нѣжно-розовые сны... Грѣзи смыво ураганомъ, Разметало по пути; За отчизну на врага намъ Всѣмъ приказано идти...

Михаилъ Андреевъ.

На кавказскомъ фронтѣ. Группа турецкихъ аскеровъ, взятыхъ въ плѣнъ.

На живкаскомъ фронтѣ. Выбучный транспортъ у своего штаба.

На Западномъ фронтѣ.

Рассказы В. Ропшина.

По телефону.

Алло! Алло!.. Это вы, полковникъ О'Нейлъ?
Да, это я... Это вы, лейтенантъ Саксби? Вы заняли ферму?
Да, сэръ, мы заняли ферму. Намъ теперь 23 человекъ. Унтеръ-офицеръ Дженингсъ убитъ и ранено двое солдатъ. Нѣмцы стрѣляютъ изъ тяжелыхъ орудій. Снаряды ложатся паче, у деревни, въ 300 ярдахъ отъ насъ.
Значитъ, все хорошо?
Все превосходно... Мы взяли въ плѣнъ двухъ баварцевъ. Одинъ изъ нихъ раненъ... Только-что пролетѣлъ нѣмецкій аэроплантъ... Снаряды ложатся ближе... Одна граната разорвалась у насъ на дворѣ... Алло! Алло!.. Полковникъ О'Нейлъ?
Я слышу. Въ чемъ дѣло?
У насъ пробило снарядами крышу. Трое убитыхъ. Нѣмецкая батарея за дѣломъ у разрушенной церкви. Расстояние 2 мили. Прикажите открыть артиллерійскій огонь... Я думаю, что нѣмцы готовятъ атаку.
Выходите въ развѣдку патруль.
Патруль высланъ... Нѣмецкая батарея продолжаетъ стрѣлять. У насъ ранено еще двое... Изъ дѣла выходятъ нѣмцы... Не меньше роты... Алло!..
Въ чемъ дѣло?
Нѣмцевъ двѣ роты. Они идутъ прямо на ферму. Мы стрѣляемъ бѣглыми огнемъ... Аджутантъ Вуттонъ раненъ... Я не думаю, чтобы мы могли долго держаться безъ подкрѣпленія...
Къ вамъ на помощь идетъ батальонъ Пешаверской пѣхоты. Держитесь, прошу васъ... Вы держитесь? Лейтенантъ Саксби?
Сэръ?
Вы держитесь?
Мы держимся, сэръ... Нѣмцы остановились... Они теперь за полотномъ желѣзной дороги... Загорѣлся сарай... Мы не въ силахъ тушить пожаръ: насъ всего четырнадцать человекъ, и мы стрѣляемъ безъ перерыва.
Гдѣ нѣмцы?
Они все еще за желѣзной дорогой. Прикажите батарею ихъ

обстрѣлывать... Я думаю, сэръ, что, если Пешаверскій батальонъ опоздаетъ, мы не сможемъ защитить ферму...
Защитайте ферму до послѣдняго человека... Это необходимо... Вы слышите, Саксби?
Слушаю, сэръ.
Алло! Алло! Алло!.. Какъ дѣла? Гдѣ вы были?.. Алло!.. Почему вы такъ долго не отвѣчали?
Я раненъ въ лѣвую руку... Мнѣ дѣлали перевязку, сэръ... Нѣмцы вошли до садовой ограды. Они залегли во рву... У нихъ большія потери... У насъ тоже большія потери: насъ осталось семь человекъ. Аджутантъ Вуттонъ скончался.
Первая и вторая батареи стрѣляютъ по саду. Я отдаю приказъ... Можете вы продержаться еще полчаса?
Я сдѣлаю все возможное, сэръ.
Я приказываю вамъ, Саксби.
Слушаю, сэръ... Снаряды второй батареи рвутся у нѣмцевъ, но первая батарея даетъ пересты. Прикажите исправить стрѣльбу... Пожаръ перекинулся на конюшни. Дымъ бѣлѣе, а намъ трудно стрѣлять... Алло, сэръ, алло!..
Я слушаю, Саксби.
Нѣмцы приближаются къ фермѣ... Они въ саду и стрѣляютъ изъ-за деревьевъ... Я забаррикадировалъ двери, и мы стрѣляемъ изъ оконъ. Пожаръ все сильнѣе... Кажется, загорѣлась крыша.
Прошу васъ, держитесь.
Мы держимся, сэръ.
Сколько людей осталось на фермѣ?
Кромѣ меня, всего три человека...
Пешаверскій батальонъ долженъ быть близко.
Да, сэръ, я пафюсъ... Нѣмцы уже во дворѣ, у самихъ воротъ... Они сейчасъ войдутъ въ ферму... Это баварцы. 113-й полкъ... Я стрѣляю изъ револьвера...
Алло! Алло!.. Лейтенантъ Саксби!
Здѣсь, сэръ... Нѣмцы на тѣснѣнѣ... Кромѣ меня стрѣляютъ только одинъ человекъ, унтеръ-офицеръ Кундифъ. Остальные убиты или ранены такъ, что не могутъ стрѣлять... Очень жарко...

ферма горитъ... Если Пешаверскій батальонъ сейчасъ не придетъ, то мы сгоримъ... Алло, полковникъ О'Нейлъ, алло!..
Алло! Алло! Алло!..
Сэръ, я оставляю телефонную трубку...
Алло!
Если съ нами будетъ кто-нибудь говорить — не вѣрьте... Это будутъ говорить нѣмцы... Унтеръ-офицеръ Кундифъ убитъ...
Алло! Алло! Алло!..
Сэръ, я раненъ въ грудь и лѣвую ногу... Вы слышите, сэръ?
Я слушаю, Саксби...
Желаю вамъ и полку успѣха... Я не въ силахъ говорить громче... Вы слышите, сэръ?
Да, да... я слушаю, Саксби...
Я сдѣлаю, что могу... Умираю...
Алло!.. Лейтенантъ Саксби!.. Алло!..
Будьте... счастливы... сэръ...

Малинь.

Молодой краснощекий фламандецъ, лейтенантъ въ полку Гидовъ, выпилъ стаканъ вина и сказалъ:
Вы спрашиваете, что самое странное на войнѣ?.. Есть страхъ и есть ужасъ. Страхъ можно преодолѣть, но ужаса преодолѣть невозможно... Мы все боимся и все привыкаемъ къ страху. Развѣ не странно, когда скринить падъ головою иранецъ? Развѣ не странно, когда взрывается 305-миллиметровая граната? Развѣ не странно, когда впадать со свѣтъ стороны пунт?.. А атака? Идешь по открытому полю и знаешь, знаешь навѣрное, что придется смертнѣй часъ. Но человекъ привыкаетъ и къ смерти. Увѣрю васъ, привыкаетъ... Настаютъ угрюмыя будни: сегодня траншея, завтра траншея, послѣзавтра траншея, сѣнь, туманъ и дождь... Нельзя бояться круглыхъ сутки. Нельзя когда-нибудь свою жизнь... Сироемъ любого изъ насъ, погодыте съ любымъ изъ тѣхъ, кто былъ, напиримъ, на Изеръ. Каждый скажетъ, что вырабатывается привычка. Но дѣло не только въ привычкѣ... Въ траншеяхъ все понитно, все заранее извѣстно. Вы знаете, что за рѣкою, напротивъ, нѣмцы, то-есть тамъ те, какъ вы, обыкновенные люди, знаете, гдѣ опасность, знаете, что необходимо быть осторожнымъ. Не высовывайтесь за паранетъ и не заглядывайте въ бойницы. Вотъ и вся безхитростная наука... Нѣмцы стрѣляютъ, но вѣдь стрѣляемъ и мы. Мы защищаемся, они нападаютъ. Пни, наоборотъ, мы нап-

даемъ, а они пытаются защищаться. Даже и въ патруль не страшно. То-есть жутко, конечно, потому что ночь и темно... Но и ночью все разсчитано, все знакомо, и твердо знаешь, что дѣлать... Ужасъ начинается тамъ, гдѣ есть неожиданность. И противъ ужаса безсильна привычка... Когда ужасъ укуетъ васъ, вы не въ силахъ сохранить хладнокровіе. Но вѣдь ужасъ и въ мирной жизни... Не только на войнѣ, но и дома... Кто не испытать и не знаетъ его?..
А вы испытали?
— Я испыталъ на войнѣ... Вы знаете, послѣ битвы на Жегѣ мы, бельгийцы, отступили въ Антверпенъ. Началась осада, а съ ней вылазки гарнизона. Въ сентябрѣ мы отбросили нѣмецкія войска и дошли почти до Малина. Намъ полкъ, конныхъ проводниковъ, остановился на ночь въ Гомбеке. Полковникъ собралъ офицеровъ и говоритъ: „Господа, кто возьмется съѣздить въ Малинь, посмотреть, есть ли въ Малинѣ нѣмцы?“ Я говорю: „Я возьмусь“. Дали мнѣ сорокасилый автомобиль, сѣлъ я, поднялъ воротники у шинели... было холодно и свѣтила луна, и поѣхалъ. Бы по дорогѣ, свѣтло, надъ рѣкою вѣетъ туманъ, пылая сонныя, деревья сонныя, неподвижныя, только вѣтеръ въ листьяхъ свиститъ, потому что вѣять я быстро, километровъ по 40 въ часъ. Кругомъ фламандская, мирная, озаренная холоднымъ свѣтомъ, равнина. Точно итъ войны и итъ нѣмцевъ. Точно выѣхалъ я на прогулку... Шуршагъ листья и стучитъ торопливо моторъ... Миновать я мостъ черезъ рѣку, уменьшилъ ходъ, подвигаюсь уже осторожно... — хотя какая тутъ осторожность? Развѣ автомобиль не слышно за три километра?.. Выѣхалъ въ предмѣстье. Въ предмѣстьѣ другая картина. Дома темныя, хмурые, при лунномъ свѣтѣ унылые, кое-гдѣ разбито окно, разворочена крыша, кое-гдѣ дымится стропила. Пни огня, ни звука ни души — ничего. Только пахнетъ золой... Мертвый городъ. Пустыня... Остановился я у собора, осмотрѣлся, башни бѣлыя, площадь пустая и застывшая, на бѣдномъ небу луна. Вынулъ я папиросу, хотѣлъ закурить, вдругъ вижу: скользнула черная тѣнь. И какъ-то странно скользнула: не то по воздуху, не то по землѣ, — вдоль соборной стѣны. Протеръ я глаза, — никого. Кто это былъ? Конечно, не человекъ... Но кто же?.. Или померещилось мнѣ?.. Вдругъ опять: у водосточной трубы... А тамъ еще и еще. Сверху, слѣва, справа, изъ всѣхъ угловъ, изъ воротъ, изъ улицъ, изъ переулковъ... Не десятки, сотни тѣней... Яркое свѣтитъ луна, сияютъ башни собора, а кругомъ меня пляшутъ тѣни, чьи тѣни? Чья водрушная пляска? Сидю я, стыдно сказать, пошевелился боюсь. Закрылся воротникомъ и не дышу, не смѣю вздохнуть.

Пожаръ въ деревнѣ Ц. Силмонъ сдѣланъ во время обстрѣла, отъ котораго возникъ пожаръ.

А онъ все ближе и ближе. Я ихъ чувствую, я ощущаю весь тѣломъ, что онъ. Эти тѣни, тутъ же, податъ меня, у автомобиля, на крышахъ, на соборной оградѣ, на мостовой, на колесахъ, на фонаряхъ. Ожила площадь. Ожить мертвый Малинъ. И потъ, какъ во снѣ бываетъ, окаменѣли руки и ноги, сизку и жду, а чего именно жду не знаю. И вдругъ крикъ. Не крикъ, а робкій и жалобный пискъ... И тутъ только я понимаю, тутъ только я догадываюсь, что это такое... Нѣтъ нѣмцевъ и жителей тоже нѣтъ... Есть коты. Есть кошачье царство. Есть кошачий, аверинный голось... Вдохнуть я всей грудью: когда понять, стало легко. Дернуть за рукоятку, — запыхтѣть и прогнать автомобиль. Коты плачутъ, мяукаютъ, зовутъ, видятъ, что я убѣжаю, что человекъ не пожатъ и покинулъ ихъ... Но тутъ ужъ не страшно. Тутъ и вспомнилъ о нѣмцахъ... Мчусь назадъ, въ Гембекъ. Опять равнина, опять поля, опять миръ, опять листья шуршать... Приѣхать. Спрашиваетъ меня полковникъ, что я видѣлъ, есть ли нѣпріятель въ Малинѣ. Я говорю: «Нѣпріятеля нѣтъ, есть коты». Онъ переспрашиваетъ: «Коты?» Я повторяю: «Коты...» Да такъ и отвѣтилъ: «Коты...» Онъ нахмурился, говоритъ: «Что съ вами?» А я и рассказать не утѣю... Виду нѣтъ, а на площади голыхъ котовъ... Вамъ странно? Мнѣ тоже... Кого испугалъ? Чего? Не испугался, ужасъ меня охватилъ, отъ неожиданности, отъ дупного свѣта, отъ одиночества, отъ ровныхъ полей, оттого, что

На кавказскомъ фронтѣ. Жилье въ одномъ изъ греческихъ селеній.

Бѣлый замокъ.

Рассказъ Рене Базена.

— Пора бросать на произволъ судьбы вашихъ собакъ, баронесса, и убѣжать отсюда!

На кавказскомъ фронтѣ. Во время боевого затишья. Стирка бѣлья.

лихо, и еще оттого, что война... А видъ я не дружу, спросите кого угодно... Я былъ подъ Лисекомъ, былъ у Гелена, потомъ въ Антверпенѣ во время осады потомъ у Диксмуа, на Парѣ... Но страхъ одно, а ужасъ другое... Человекъ не страшень, и смерть не страшна, а пустой городъ страшень, — и терять мужество, и бѣжашъ бѣль огляды... Вотъ и я побѣжалъ... Не оудите, а поймайте меня... И вспомните, знакомо ли вамъ это чувство — то чувство, которое я пережилъ въ Малинѣ.

— А ты развѣ ихъ видѣлъ? Собственными глазами видѣлъ? — Не только видѣлъ, баронесса, но и почувствовалъ. Вотъ и доказательство.

Старый лѣсничій торжественно указалъ на свою прогнѣнную фуражку.

Надъ нимъ доносился гулъ перестрѣлки.

Баронесса де-Шель, вдова въ возрастѣ, который при интересной наружности не прастъ большой роли, пригласилъ. Вокругъ нея прыгала и лаяла сбѣлая сноро неадолѣйныхъ охотничьихъ собакъ, но ни госпожа ни лѣсничій не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

Да, ты правъ, другъ мой! — проговорила наконецъ баронесса. — Но теперь уже слишкомъ поздно. Я остаюсь.

Если бы вы поступали раньше...

Совершенно вѣрно, но я думалъ... Ты долженъ спрятаться. Если нѣмцы найдутъ тебя, ты будешь моментально расстрѣлянъ. Мнѣ же ничто не угрожаетъ. Куда ты пойдешь?

Лѣсничій протянулъ руку по направлению къ лѣсу.

Никогда не смогутъ они найти меня тамъ! — отвѣтилъ онъ. Въ лѣсу у меня много друзей. Я постоянно буду въ пути, чтобы сдѣлать за вами. Если они сдѣлаютъ вамъ что-нибудь дурное, я хоть пару изъ нихъ пристрѣлю, какъ собакъ. А если я вамъ покажусь, подождите къ опушкѣ

На кавказскомъ фронтѣ. Доставка съна мирными жителями для лошадей Н... батальона.

и позовите. Обидаю явиться немедленно, если только они не убьютъ меня раньше. Прощайте, сударыня. Я поручу старухѣ Жюли приедривать за собаками, заберу ружье и уйду. Вы не будете меня видѣть, но я буду все время въ пути васъ.

Баронесса пошла руку лѣсничему, который удалился, борюча сквозь зубы:

— И подумать только, что она, пмѣя возможность спастись, осталась изъ-за своихъ собакъ. Нѣтъ, собакъ!

Черезъ пять минутъ онъ покинулъ замокъ, а еще черезъ часъ паркъ и садъ были переносимы нѣмцами.

Навигалась вечеръ. По широкой аллѣ къ замку подкатили два автомобиля, изъ которыхъ лихо выскочили восемь офицеровъ. Они поднялись по ступенькамъ террасы, держа наготовѣ арманные револьверы.

Передъ закрытой дверью спокойно стояла баронесса де-Шель. Протицувъ по направлению къ незванымъ гостямъ свой черный зонтикъ, она проговорила:

Вы совершенно напрасно приготовили столько револьверовъ, господа. У меня, грѣхъ этого зонтика, нѣтъ оружія. Я одна во весь замокъ съ семидесятилѣтнею экономкой!

Съ улыбкой хитрой конки генералъ склонился передъ хозяйкой замка и отвѣтилъ:

Вы заявляете, что въ замкѣ васъ только двое? Я не спрашивалъ васъ объ этомъ, но теперь предупредяю, что, если найдутъ здѣсь третью обитательницу, то онъ будетъ немедленно расстрѣлянъ!

Но онъ не знаетъ никого, несмотря на самый тщательный обыскъ, которому подверглись замокъ, хозяйственные помѣщенія и паркъ.

Нѣмцы устроились въ залахъ и гостиныхъ, конфисковали кухню и въ видѣ военной мѣстои, разбѣжили вѣдѣльницъ замка спать и ѣсть въ ея собственной комнатѣ. Къ этой мѣстои они добавили вторую покаланную нѣмцами еерхомъ дѣстности, а именно: баронесса де-Шель было предоставлено право пользоваться парадной лѣстницей, что давало ей возможность встрѣчать время отъ времени ихъ, побѣдителей.

Это было въ началѣ генября.

То, что борзоталъ уходя изъ замка, старый лѣсничій было правой лини паловинцу. Матильда де-Шель не успѣла обжать во-время только потому, что рѣшила отправить ена-

чала всѣхъ остальныхъ обитателей замка, а лошадь на обратномъ пути была убита осколкомъ снаряда. Другихъ же лошадей не оказалось. Правда, она могла дойти пѣшкомъ до какой-нибудь есѣдней деревушки, но послѣ нѣкотораго раздумья рѣшила остаться.

Послѣдній день она лихорадочно проработала, заклиная, при помощи лѣсничаго, въ кустахъ наиболѣе цѣнные предметы. Когда старый слуга попробовалъ снова убѣдить ее въ необходимости ѣхать, она отвѣтила:

У меня тысяча причинъ, но которыхъ я не хочу уходить отсюда. Главная изъ нихъ та, что я не хочу дать нѣмцамъ возможности перестрѣлять всѣхъ моихъ охотничьихъ собакъ. Это доставило бы слишкомъ большое огорченіе моему сыну, когда онъ вернется съ войны...

Это была шутка, но лѣсничій повѣрилъ словамъ своей госпожи.

Въ первый же вечеръ нѣмецкіе офицеры потребовали ключъ отъ погреба и отдали должное винамъ и ликерамъ. На слѣдующій день пьянство продолжалось. Побѣдители не считали пужнымъ раскланиваться съ хозяйкой замка, но гѣмъ не менѣе ежеминутно обращались къ ней съ различными требованіями, которыя она выполняла молча и спокойно. На третій день ихъ пребыванія въ замкѣ двѣ фуры были наполнены лучшими винами — мебелью, фамильными портретами, драпировками, даже бѣльемъ. Все это предназначалось для отсылки въ Германию. Генералъ не руководилъ лично этой операцией, но очень интересовался ходомъ ея.

Въ тотъ же день, въ четыре часа пополудни, баронесса де-Шель направилась къ опушкѣ лѣса. Въ разныхъ мѣстахъ тамъ были разставлены снайперы. Она еѣла на одну пѣль нѣтъ и принялась за какое-то белоконечное вязанье изъ бѣлой шерсти. Надали за нею еѣдвали нѣмецкіе солдаты, занятые работой въ саду. Не прошло и четверти часа, какъ за ея спиной раздались шаги, хорошо знакомыя ей голось:

Они не причинили вамъ вреда, баронесса!

Она не обернулась. Какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала вязанье и отвѣтила:

Нѣтъ, ни малѣйшаго, но я безконечно за тобой!

На кавказскомъ фронтѣ. У походной кухни. Рѣзка сала для заправки

— А собаки?
— Мы с Жюли кормим их!
— Я слышу, как они лают на проклятых пруссаков!
— Приблизься немного, только осторожно, чтобы тебя не увидели. Я брошу тебе записочку, которую надо отнести командиру ближайшего французского отряда. Можешь ты это сделать?
— Надюсь, что удастся. Это сибирью?
— Если возможно, записка должна быть доставлена до завтрашнего утра. Я предупреждаю командира о готовящемся нападении.
— Будет сделано, баронесса!
Де-Шетль бросила записку. Кусты позади скамейки слегка заколыхались, и лес снова погрузился в безмолвие. Время от времени издали доносились пушечные выстрелы.
Произведенная на следующий день атака неприятеля оказалась для него неудачной. Германские офицеры не скрывали досады. Они говорили о „проклятом невезении“ в присутствии хозяйки, которая не понимала, повижимому, ни слова по-нѣмецки, так как никогда не отвечала, если с ней разговаривали на этомъ

— Какой грубиян! осмѣливается врыгаться ко мнѣ, когда я причесяваюсь?
Капитанъ вышелъ, не извинившись, а баронесса добавила съ запискѣ:
„Между шестью и девятью часами вечера“ — и сонда вникъ, въ паркъ.
— Жюли! приказала она старой служанкѣ. Уходи на ферму, куда хочешь, но не оставайся здѣсь.
— А вы?
— Обо мнѣ не беспокойся!
Какъ и въ предыдущіе дни, Жюничій унесъ письмо. Медленно обыкновеннаго вернулась баронесса де-Шетль домой.
Она смотрѣла то на замокъ, то на небо въ ту сторону, гдѣ были французскія войска. Оттуда доносились пушечные выстрѣлы.
Когда она приблизилась къ террасѣ, къ ней подошелъ офицеръ, тотъ самый, который два часа тому назадъ входилъ къ ней въ комнату, и сказалъ:
— Мы больше не доверимся вамъ! Съ этого момента вы — наша

На кавказскомъ фронтѣ. „Горные орлы“ — наши летчики на земномъ пути.

яныи. Въ тотъ же день она снова бросила записку для командира отряда.

Спусти еще день она сидѣла у себя въ комнатѣ за туалетнымъ столикомъ и писала третью записку слѣдующаго содержанія:

„Германцы окончили разореніе моего замка. Ихъ гегерь здѣсь много, по крайней мѣрѣ двадцать офицеровъ. Уничтожьте ихъ. Самое удобное время для этого...“

Внезапно открылась дверь, и на порогъ покатался кавалерійскій капитанъ. Къ счастью, онъ не замѣтилъ ни червильницы ни начатаго письма, такъ какъ баронесса де-Шетль, быстро подившись со стула, выхватила изъ волосъ черепашковъ гребень и воскликнула:

Какъ растутъ кресты.

Разсказъ Б. Никонора.

Когда на обездоленную страну ложится тяжкое и страшное бремя войны, на тихихъ поляхъ и кладбищахъ вырастаютъ кресты.

Они поднимаются то здѣсь, то тамъ, какъ страшные и печальные пивы. Земля въ такіе дни не имеетъ другихъ цвѣтовъ. Въ толь годъ, когда на нее падаетъ огненный дождь, цвѣты мирнаго времени сохнутъ и стораются, и все живое въ природѣ превращается въ сѣрый и холодный пепелъ. Но цвѣты-кресты возникаютъ даже подъ огненнымъ ливнемъ. И чѣмъ сильнее идетъ этотъ опалющій ливень, тѣмъ больше вырастаютъ въ странѣ крестовъ.

Среди безчисленнаго множества этихъ крестовъ есть кресты, которые поднимаются тайно... Никто не видитъ, кто сѣетъ и сажаетъ ихъ, и посылъ такихъ крестовъ считается преступленіемъ. За него наказываютъ, если узнаютъ, кто воздвигъ ихъ... Почему

пѣтница. Отправляясь немедленно въ сторажку на другомъ концѣ парка. Вы останетесь тамъ подъ присмотромъ нашихъ солдатъ. Вы поняли?

Баронесса выслушала изъ него и отвѣтила:

— Вы не подолѣваете, какую услугу оказываете мнѣ, динная меня вашего общества!

Не понимая она слонъ, онъ позвалъ двухъ улитъ, чтобы выполнить свое распоряженіе, а самъ поднялся на террасу.

Въ толь же день вечеромъ, когда въ офицеръ сидѣли обѣдомъ въ большой залѣ, цѣлый дождь снарядовъ обрушился на бѣлый замокъ. Подъ разлетѣвшимися его обломками всѣ.

А на слѣдующій день началась Мариска битва.

Это такъ, и отчето бинуютъ тайные кресты и тяжкія наказания за нихъ наказанія — на это отвѣчаютъ безумная логика войны и крѣпко и связаннаго съ ними насилія.

Это одно изъ тѣхъ противорѣчій здравому смыслу и закону любви и милосердія, какія бывають только во время войны. Эти противорѣчія помываются словно уродливыя привидѣнія въ странѣ, помраченной подъ нѣмъ жестокихъ завоевателей, утратившихъ образъ и подобіе человѣческое.

Если вы хотѣте знать, какъ растутъ эти тайные кресты, я покажу вамъ тѣмной ночью на пустынной городской окраинѣ маленькую комнату съ плотно закрытыми ставнями.

Въ комнатѣ двое людей. Старикъ и женщина. Старикъ вытѣсываетъ изъ двухъ негнѣныхъ простой сосисный крестъ и ва

скоро и грубо схватываютъ его. Женщина сидитъ неподвижно на скамѣ. И все ея фигура говоритъ о безмолвномъ и немѣримомъ, невычислимымъ человѣческимъ ужасомъ страданій.

Готово! — говоритъ старикъ и съ усилиемъ выпрямляется. Дави, сестра, я гнусю!

Пѣть, Стасъ! — тихо возрѣкаетъ скорбная женщина. Я сама!

— Ну, хоть помоги!

Пѣть, не надо помогать! Тебя понимаютъ. Тебѣ тогда будетъ плохо. Я не хочу, чтобы и тебѣ уопали.

А если тебѣ понимаютъ?

Женщина горько усмѣхается:
— Чѣмъ они мнѣ сдѣлаютъ? Я мать!

Она накидываетъ на голову платокъ и выходитъ, осторожно оглядываясь, на улицу. Тамъ темнѣе, словно весь Божій міръ покрытъ такимъ же чернымъ траурнымъ платкомъ.

Осторожно, чуть-чуть переступая по подмороженной грязи, женщина идетъ по улицѣ. Она съ трудомъ идетъ по плечахъ тольско-

На нашемъ западномъ фронтѣ. Подготовка аэростата къ полету. Накачиваніе газгольдеровъ изъ берегу рѣки Двины.

На нашемъ западномъ фронтѣ. Подготовка аэростата къ полету. Готовыя оболочки съ газомъ по дорогѣ къ аэростату для его наполненія.

что сколоченный сосѣдомъ деревенный крестъ. Ей тяжело, больно: крестъ давитъ ей шею и спину и словно прижимаетъ всю ее къ землѣ, къ той землѣ, куда положили ея сына. Но эти страданія, приносящая крестомъ, облегчаютъ то главное, всеобъемлющее страданіе, которое легло нынче на ея материнское сердце и въ одинъ день состарило ее на десять лѣтъ. И ей кажется, что, если она сама донесетъ крестъ до могилы убитаго сына, то будетъ легче и ей и сыну. Быть-можетъ, тогда ей будетъ легче нести и тотъ другой, тяжкій и великій, незримый крестъ, наложенный на нее страннымъ несчастіемъ.

Темно на улицѣ. Люди прячутся въ домахъ, чтобы не попадаться на глаза вражескому начальству, полонившему городъ. Горожанамъ запрещено выходить по почамъ изъ дома, но они и сами боятся выходить. Имъ запрещено покупать керосинъ и свѣчи, потому что керосинъ и свѣчи нужны главнымъ нѣмцамъ. Но горожане и безъ того не зажигаютъ огня, и у кого есть огонь, тѣ крѣпко заперли ставни. И въ маленькихъ лачугахъ предвѣстья и въ большихъ домахъ на главной улицѣ, изъ числа тѣхъ, которые еще не заняты подъ офицерскія квартиры, одинаково парятъ ненависть, отчаяніе, ужасъ и тѣма.

По городу бродитъ нѣко дни въ день смерть. Опьянѣвшіе отъ крови

На нашемъ западномъ фронтѣ. Аэростатъ поднимается. Въ корзинѣ — летчикъ воздухоплавательной роты съ пассажиромъ.

солдаты и офицеры всякаго, кто покажется имъ опаснымъ или просто нечестивымъ, тащить въ тюрьму. А оттуда — въ полевой судъ. А полевой судъ всѣхъ приговариваетъ къ расстрѣлу или повѣшенію. Казненныхъ зарывають на старомъ кладбищѣ, потихоньку, тайно. И никто изъ горожанъ не смѣетъ разрыть эти тайныя могилы и ставить надъ ними кресты. По приказу коменданта это запрещено подъ страхомъ смертной казни.

Но кресты все-таки вырастаютъ. Началось все это бѣдѣе съ того времени, когда толпа городскихъ подростковъ попыталась разгромить лавки, въ которыхъ продавались всевозможные товары, но только не для голодающихъ горожанъ, а для нѣмцевъ. Горожане могли умереть съ голода. И потъ съ той поры нѣмцы стали хватать и воздвигать встрѣчаю и поперечнаго.

Женщина-мать идетъ съ крестомъ по темной улицѣ, чуть прислушиваясь, не прозвучатъ ли шаги нѣмецкаго патруля. На улицѣ темно, какъ въ могилѣ, но она увѣренно идетъ въ темнотѣ. Она хорошо знаетъ дорогу къ старому кладбищу. Кто въ городѣ не знаетъ теперь дороги туда?

Она идет, а черные мысли льются надъ ней и делятъ въпередъ нея, какъ черные вороны. Она думаетъ:

„Мой Владекъ не бунтовалъ и не громилъ лавки. Онъ сидѣлъ тогда дома. За что же его схватили и разстрѣляли?“

И обвиняетъ сама себя:

„За то, что онъ, потаивъ на улицѣ, не покаялся офицеру. Развѣ это преступленіе? Развѣ за это можно было убить моего мальчика?“

Рыдчикъ подступилъ къ тюрьмѣ. Но плакать нельзя. Отъ плача обезсибишь и не сможешь донести крестъ и поставить его. Да и тишина встревожена отъ материнскихъ рыданій, предавельская тишина, готовая выдать ибичамъ каждую тайну пообѣдненныхъ. Матери, несущей крестъ, уже чудится немецкій слона, слышатся тяжкіе шаги. Нельзя не только плакать, даже выдыхать нельзя. Въ почтой тишинѣ будетъ слышанъ каждый выдохъ. Надо пританься, застыть, замереть тѣломъ и душой, чтобы только исполнить святые и непреклонное рѣшеніе — поставить крестъ на могилѣ сына.

У родной могилы. Картина И. Владимірова.

Вотъ и кладбище.

Старая, каменная, извѣстная вѣчно стѣна смутно бѣлѣтъ во мракѣ. Давно уже никого не хоронили здѣсь на старомъ погостѣ. Но теперь онъ полонъ новыми гостями. Въ странѣ не хватаетъ кладбищъ, какъ не хватаетъ гостиницъ въ большомъ городѣ во время ярмарки.

Спотыкаясь о свѣжіе холмы могилъ, почти падая подлѣ своей крестной пошеи, мать идетъ далеко въ глубь кладбища, туда, гдѣ похоронили послѣднихъ казенныхъ. Хорошие люди есть и въ странѣ враговъ: изъ устъ въ уста доносилось до нея точное указаніе, гдѣ именно похоронили ея сына.

И тѣмъ покрываетъ ее своимъ покровомъ. И никто не видитъ и никто не знаетъ, сколько слезъ пролила она, и какъ убивалась она въ безысходной, неопишущей тоскѣ, прежде чѣмъ на тайной могилѣ вырастетъ новый свѣжій крестъ.

Стой! Держи!..

Темнота предавельски разгустилась. Засѣли фонари, и въ ихъ блескѣ мелькнули винтовки и сабли патруля.

— Ты что тутъ дѣлаешь, старуха?

Нѣсколько человекъ окружили женщину. Ея грубо схватили. Толстый солдатъ, унтеръ-офицеръ, начальникъ патруля, ударили ее по шеѣ.

Развѣ ты не знаешь, что это запрещено? Старая вѣдьма! Связать ей руки!

И вотъ мать казеннаго Владека связана, платокъ сорванъ

съ ея головы. И въ почтой темнотѣ, которую съ трудомъ одолеваетъ фонарь патруля, ее ведутъ въ тюрьму.

На другой день она уже стоитъ передъ судомъ. Немецкіе офицеры сидятъ за длиннымъ столомъ въ залѣ полицейскаго управленія. Это военно-полевой судъ. Они держатся чопорно, стараются сидѣть неподвижно. Наканунѣ у нихъ была пирушка въ загородномъ графскомъ замкѣ. Они еще не успѣли опохмелиться и лѣтъ, какъ цѣнные псы.

— Ты обвиняешься въ нарушеніи призыванія коменданта! — говоритъ хриплымъ голосомъ старшій офицеръ. — Признаешь себя виновной?

Старуха молчитъ. Что ей сказать въ отвѣтъ? Все равно эти обезьянки, не признающіе святости креста и важности материнскаго долга и материнской скорби, не поймутъ ея словъ. Имъ непонятенъ языкъ милосердія, любви и материнства.

— Ты не хочешь отвѣчать? Ну, въ такомъ случаѣ мы обходимо и безъ твоихъ объясненій.

Потомъ въ совѣщательной комнатѣ судьи говорятъ:

9-е февраля. Торжественное молебствіе передъ открытіемъ засѣданій Государственной Думы въ присутствіи Его Величества Государя Императора. По фот. К. Булга.

Голосъ народа.

(Въ Государственной Думѣ).

Прибытіе Государя Императора на открытіе Государственной Думы высоко подняло патристическій энтузіазмъ народныхъ представителей и окрылило ихъ на мужественное служеніе родинѣ. Въ лицѣ уволеннаго съ поста председателя Совѣта Министровъ И. И. Горемыкина пало средостѣіе между Царемъ и народомъ. Новый председатель Совѣта Министровъ В. В. Штюрмеръ сумѣлъ сразу найти общую почву съ Государственной Думой. Въ тавтично составленной рѣчи онъ начерталъ программу обновленнаго кабинета. Задачу внѣшней политики онъ обрисовалъ одной фразой: „Россия не положитъ оружія, пока не одержитъ рѣшительной побѣды“. „На ставкѣ Русскаго Царя развѣшается стягъ, на которомъ горитъ и переживается Монаршее предначертаніе: „Будущее Россіи въ ея побѣдѣ надъ злымъ и дерзкимъ врагомъ“. Это будущее близится. Во имя его не будемъ закрывать глаза на наши ошибки и несовершенства, но сольемъ наши усилія и будемъ помнить только о томъ, что будущее, — а мы вѣримъ, что оно — свѣтлое будущее, — мы должны встрѣтить во всеоружіи“. Призывомъ не закрывать глаза на ошибки глава правительства призвалъ за Государственной Думой священное право критики правительственныхъ дѣйствій. Его программа дѣйствій охватываетъ наиболѣе насущныя нужды страны. Декларация обѣщаетъ поддержаніе трезвости, реформу прихода, расширеніе мѣстнаго самоуправленія, учрежденіе волостного земства съ оставленіемъ за правительствомъ обслуживанія только общегосударственныхъ вопросовъ, организацию снабженія населенія продуктами первой необходимости, борьбу съ дороговизной, борьбу съ нѣмецкимъ засильемъ.

Военный министръ генералъ-отъ-инфантерій А. А. Поливановъ обрисовалъ перемѣны въ снабженіи арміи и въ положеніи ея на фронтахъ, которыми произошли со дня его назначенія. Морской министръ адмиралъ И. К. Григоровичъ констатировалъ

господство русскаго флота на Черномъ морѣ и смѣлую самоотверженную защиту балтійскихъ береговъ отъ значительно сильнѣшаго испріательскаго флота.

Первымъ думскимъ ораторомъ постѣ выступанія министерскихъ рѣчей выступилъ представитель прогрессивнаго блока октябристъ С. И. Шидловскій. Въ моментъ созыва Гос. Думы онъ напоминаетъ о преждевременномъ перерывѣ ея занятій. Эта мѣра, по его мнѣнію, имѣла весьма пагубныя послѣдствія. „Правительство, одно не сознававшее необходимости національнаго сплоченія, отвергло единую мысль всей страны и предпочло идти своєю собственною дорогой. Всеобщее желаніе, чтобы страна могла довѣрить своему правительству и чувствовать себя съ нимъ единой, было злостно истолковано, какъ лозунгъ борьбы за власть“. Затѣмъ онъ прочелъ декларацію прогрессивнаго блока.

Яркую и сильную рѣчь произнесъ правый націоналистъ Полюевъ. „Наши святые войны совершили уже и совершатъ чудеса, — сказалъ онъ. — Мы терпѣли временныя неудачи, но побѣждены были не войска, а дальній тылъ. Тылъ не успѣвалъ за арміей, тылъ не укрѣплялъ захваченнаго пространства, тылъ лишалъ армію оружія и снарядовъ. Сдерживайте же рвущуюся впередъ армію и подгоняйте тылъ. Никто въ Россіи не боится войны, а великій страхъ охватываетъ всѣхъ передъ возможностью преждевременнаго мира“. Бьющими правдой огненными словами обличалъ онъ нерадіе, преступную близорукость и тяжкіе грѣхи дѣятелей тыла: „Правительство своевременно не проводило стратегическихъ линій, а теперь за ихъ постройку приходится переключивать вдвоемъ. Путейцы погрязли въ злоупотребленіяхъ. Тамъ — что ни чинъ, то вальмоза, и за синой его стоитъ министръ, директоръ департамента, генералъ-адъютантъ, адмиралъ и т. п. Троньте его, и невольничьи нечистоты выльются на васъ

со всех сторон. Берете взятки? — Да, берем. В мирное время брали по рублю с вагона дров, а теперь по рублю с сажени. — Не хотите работать? — Не жаждем. — Да ведь теперь война, все мобилируются. — А мы даем себе строим. Нам некогда. И будьте вы гением распорядительности, вы разобьетесь об эту неспрогнозируемую преступную твердыню. Не глупите вообще желанным дорогам, не вбрыте, когда говорят вам, что быть вагонов; осмотрите тунки на станциях, они загромождены вагонами; не вбрыте, когда говорят: не хватайтесь паровозов; поищите хорошенько и найдете целые парки замесенных сибгом и замороженных паровозов. Ничему не вбрыте, ибо там все ложь и преступление.

«Вы грозите нам военным судом. Полноте — это сказки, страшные для детей младшего возраста. На кого накинете вы петлю? На сибника похваль, на контршника».

«В бытность мою на фронт и слышать в вагон рассказ офицера о печальном случае в их полку. Солдаты с целью избавиться от службы, отрубив себе три пальца и сказав: отстрелили. Пальцы наши, солдата убили. На войне судь безощаден, привязали к столбу и разстреляли».

«А скажите, не слышали вы про измѣнника, который предать первоклассную крепость, лишил отечество целых дивизий, отдал врагу немалую артиллерию и целые склады снарядов? Генерал Григорьев. Для него страшен оказался военный суд? Конечная судьба — безжалостная жизнь, как для Степана и Боготова. (Аплодисменты)».

«А тот злодей, который обмануть живыми увѣренными всею казавшейся готовностью нас к страшной войне, который тѣм сорвал съ себя армян лавровые вѣнки и растоптал их в грязи лжи и предательства, который грудью стал между народами мечом закона и измѣнником Мясоедовым. Куда же бросаете вы мертвую петлю? Туда вниз. Нѣтъ, поднимите ее выше, выше, доведите ее до уровня ваших равных. Ведь тот министр головой своей ругался за Мясоедова; Мясоедов поощрен, где же голова поручителя? На плачех, украшенных вензелями. (Бурные аплодисменты всей Думы. Голос: Браво!)»

Также запомните, что скажем мы, националисты. мы никогда не поспали на прерогативы власти. Тѣм болѣе мы не хотим похитить власть во мракъ страшной бури. Мы жаждем сильной власти. Но власть сильна не мнимымъ искательствомъ, а безусловнымъ исполненіемъ закона. Нѣтъ закона — нѣтъ и власти. Вы дѣлаете наверху шута во власть, вы радуетесь, что народъ пошел на доверіе. Да, такъ. Но мы знаемъ, мы видимъ, что народъ безропотно несетъ все тяготы войны и не падаетъ ни жизни ни имущества; но, не пытаясь страданій, онъ строгъ и къ намъ, онъ не проститъ намъ бездѣйствія власти и укрупненія измѣны.

«Вы не сознаете, что преступной безнаказанностью своихъ агентовъ вы переводите на себя весь справедливый гнѣвъ народа. А когда вы потеряете народное доверіе, поблещите и ваша власть». (Шумные аплодисменты)».

Тѣмъ же националистъ Шульгинъ считаетъ самымъ опаснымъ отсутствіемъ объединяющей мысли, которая охватила бы все нити, все управленіе грандіознымъ механизмомъ войны и ея тыловой подготовки, но все же вѣрить, что придетъ время, когда царь Русскій Бѣлый Царь восторжествуетъ надъ чернымъ императоромъ и Немезида совершитъ свое дѣло. И мы скажемъ нашему Государю: Государь. Вы не искали себѣ военной славы пролитіемъ моря крови Вашихъ подданныхъ. Вамъ — первый порывъ. Вы подняли самое святое, чистое дѣло мира, но эту благородную мечту растоптали потомки крестоносныхъ разбойниковъ. Но мечта чистая и благородная осталась мечтой. И если Ваше царское сердце обливается слезами при мысли о томъ морѣ крови, которое пролило въ Ваше царствованіе, царствованіе Царя Миротлюбца, тому есть великое утѣшеніе: ни одной капли этой русской крови на Вашей порфирѣ не будетъ». (Шумные аплодисменты)».

И. Н. Миллюковъ считаетъ ошибочнымъ не только поздній составъ Гос. Думы, но также и составъ правительства, который кажется ему реакционнымъ.

Прогрессистъ Ефремовъ требуетъ ответственного министерства. Будучи ревнивыми и вѣрными сторонниками абсолютной безответственности Верховной власти, мы, прогрессисты, поэтому-то и добиваемся установленія ответственности министерства передъ Думой».

Большой интересъ представляютъ его разъясненія странной дѣятельности бывшаго военнаго министра:

«Сухомлиновъ сознательно галѣ, когда говоритъ о достаточности боевыхъ запасовъ: онъ галѣ, когда говоритъ о разбѣргѣ германской арміи — 1.500.000. Вы знаете, что передъ самой войной уничтожено много старыхъ берданокъ въ то время, когда военный министр не смѣлъ не знать, что у насъ нѣтъ избытка ружей. Вы знаете, что Сухомлиновъ отказался отъ присылки снарядовъ союзникамъ, когда наши снаряды были на исходѣ и надвигалось поэтому отступленіе изъ Галиціи и Польши».

По мнѣнію лидера группы независимыхъ Караулова ближайшая задача момента — прекратить злоупотребленія, которыя цинковой волной захлестнули всю Россію, в Дума должна сдѣлать

указанія правительству и принять мѣры законодательнаго характера».

«Въ первую голову надлежитъ поставить мѣры къ ликвидаціи измѣнничьихъ засилья. Необходимо въ ближайшее время пересмотрѣть дѣйствующій по 87 ст. законъ о ликвидаціи измѣнничьихъ земельвладѣній, въ которомъ Дума усмотрѣла много дефектовъ, и который въ значительной степени не соответствуетъ цѣли, какая передъ нимъ поставлена. Необходимо выдвинуть вопросъ объ обращеніи земельныхъ запасовъ, образуемыхъ при ликвидаціи измѣнничьихъ земельвладѣній, на обезпеченіе увѣчныхъ воиновъ и семействъ воиновъ, павшихъ въ бою. Необходимо пересмотрѣть законъ 14-го іюня 1910 года (о крестьянскомъ землеустройствѣ) до возвращенія воиновъ на родину и внести въ него, быть-можетъ, существенныя исправленія. Необходимо рассмотреть вопросъ о законодательной урегулировкѣ земельной аренды и положеніе о наймѣ на сельскія работы. Все это нужно сдѣлать до возвращенія нашихъ воиновъ съ фронта».

«Слѣдующій серьезный вопросъ — о борьбѣ съ дороговизной. Разумѣется, борьба съ дороговизной не входитъ въ область вопросовъ, которые надлежитъ вѣдать непосредственно Гос. Думѣ. Но борьбу съ дороговизной имѣетъ рѣшительное влияние правительство, а мы должны имѣть рѣшительное влияние на само правительство. Этими путемъ только и можетъ Гос. Дума бороться съ дороговизной. Другими мѣрами она не можетъ ничего сдѣлать, такъ какъ она окажется безсильнымъ при условіяхъ, что полиция будетъ покрывать спекулянтовъ, что банки будутъ лгать, выводить спекулятивную дѣятельность, а сильные міра сего будутъ въ числѣ спекулянтовъ занимать первое мѣсто».

Депутатъ Марковъ 2-й отъ имени крайнихъ правыхъ заявилъ:

«Кромѣ врага вѣншнаго, злѣвѣщаго германца, есть врагъ внутренний, болѣе опасный: этотъ врагъ въ трехъ элементахъ, — дороговизна жизни, тѣ германцы, которые, подъ видомъ русскаго подданства, проникли въ колоніи и захватили много очаговъ русской жизни, и, наконецъ, послѣдній и самый опасный, — это сплошное взяточничество, лжеискусство, кражи, которыя обуряютъ какъ массу чиновниковъ, такъ и гражданства, такъ и чиновниковъ, такъ и общественныхъ организаций. (Голоса съмы: Чортъ знаетъ, что такое). И тамъ и здѣсь елишкомъ воруютъ. Вотъ съ этимъ боритесь».

«Я обращаюсь къ правительству съ единымъ требованіемъ, чтобы оно наконецъ вышло на передъ своего представительства и сказалъ: намѣрено ли оно перестать защищать воровъ, казнокрадовъ-чиновниковъ, которые прикрываются административной гарантіей. Мы требуемъ уничтоженія административной гарантіи для тѣхъ чиновниковъ...» (Рискованный весь залъ).

В. А. Маклаковъ, талантливѣйшій ораторъ своей партіи, произнесъ одну изъ наиболее яркихъ рѣчей. Обрисовавъ дѣятельность власти до 9-го февраля, онъ сказалъ:

«Что же намъ дѣлать: принизить Россію до силы ея разбитой власти, или возвысить власть до задачъ великой Россіи?»

Предсѣдатель Совѣта Министровъ пришелъ, какъ человѣкъ, старый времени, изъ рядовъ людей стараго времени, какъ изъ старинникъ... Пусть это такъ. Но, главное, что пришелъ онъ дѣлать сюда? Защищать ли Россію противъ Германіи, жертвуя всѣмъ для побѣды, или защищать старый режимъ во время войны?»

«Мы будемъ дѣлать то, что дѣлали раньше. Мы не разойдемся съ арміей, господа. Мы знаемъ, что, кромѣ той Россіи, которая умираетъ и которая воскреситъ, есть Россія, которая терпитъ, которая страдаетъ, которая работаетъ».

В. М. Пуришкевичъ призналъ, что въ рѣчахъ представителей тѣмъ оппозиціи много той святой ирады, которая въ конечномъ результатѣ должна обновить нашъ государственный строй».

«Кто позволитъ бы себѣ говорить, что все должно остаться такъ же, какъ оно было до войны, тотъ найдетъ бы себѣ осужденіе и у современниковъ и у потомковъ. Развѣ нормально, что въ то время, какъ наши братья исходятъ кровью, въ это время здѣсь внутри нельзя добиться и парализовать роста измѣнничьихъ засилья и подпольнаго вліянія? (Шумные аплодисменты)».

«Развѣ вы (обращаясь къ министру внутреннихъ дѣлъ), мой многоуважаемый другъ и сотоварищъ по фракціи, А. Н. Хвостовъ, можете быть увѣрены въ томъ, что въ тотъ моментъ, когда вы предпримете самыя рѣзкія и энергичныя мѣры, чтобы парализовать вліянія при ликвидаціи измѣнничьихъ земельвладѣній, васъ не съдѣдятъ подпольныя силы подъ тѣмъ или другимъ благозвучнымъ предлогомъ и вы не падете подъ ударомъ?» (Шумные аплодисменты)».

Маклаковъ упомянулъ въ своей рѣчи о «бѣшенномъ коммерціи» въ тылу, о томъ, что воинъ не можетъ получить чѣта въ побѣдѣ, такъ какъ все занято купцами-коммерсантами, скупщиками за лавработками, и закончилъ характеристикой русскаго крестьянства, которое готово на все жертвы для достиженія побѣды.

Таковъ общій тонъ первыхъ думскихъ засѣданій. Онъ поражаетъ единствомъ настроенія, объединяющаго и правыхъ и лѣвыхъ ораторовъ. Стѣна, раздѣлявшая крайнія фракціи, рухнула. Все въ одинъ голосъ требуетъ оздоровленія тыла и оздоровленія власти во имя побѣды надъ врагомъ, во имя спасенія Россіи. Дума и страна слились въ патріотическомъ требованіи. Въ этомъ случаѣ голосъ народныхъ представителей дѣйствительно становится голосомъ самого народа.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Сраженіе у Вердена.

Нашъ уже приходилось неоднократно повторять, что на западномъ фронтѣ настоящее положеніе сторонъ настолько очевидно опредѣлилось, что никакими измѣненіями фронта въ ту или другую сторону сдѣлать нельзя. Затѣмъ мы приводили рядъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что нѣмцы въ настоящихъ условіяхъ стратегической обстановки никогда не могутъ собрать достаточныя силы для того, чтобы произвести успѣшное наступленіе противъ французовъ.

Наконецъ, памятные всѣмъ событія на французскомъ фронтѣ, три крупныя сраженія, изъ коихъ главнѣйшее — «Марна», а затѣмъ сраженія на Изерѣ и въ Шампани, съ своей стороны, служили достаточной иллюстраціей того, что западный фронтъ представляетъ собою вѣчно безусловно неподвижное въ стратегическомъ смыслѣ, и что тамъ лишь возможны, въ исключительныхъ случаяхъ, незначительныя тактическія измѣненія фронта на нѣсколько верстъ въ ту или другую сторону.

Несомнѣнно, что и нѣмецкое наступленіе поманованіе всегда сознавало всю невозможность какихъ-либо успѣховъ для нѣмцевъ на западномъ фронтѣ, почему съ ноября 1914 г. по февраль 1916 г., т. е. въ теченіе почти двухъ лѣтъ, мы были свидѣтелями полной неподвижности нѣмцевъ на западномъ фронтѣ. Самый тотъ фактъ, что нѣмцы съ началомъ весны минувшаго года предприняли наступленіе на нашѣмъ фронтѣ, также свидѣтельствовалъ о томъ, что они считаютъ свою задачу на западномъ фронтѣ неосуществимой, ибо только это и могло заставить ихъ выбрать столь недостижимую стратегическую цѣль, какъ неспяние побѣды въ Россіи.

Однако стратегическое положеніе нѣмцевъ въ нѣмѣннѣйшей войнѣ оказалось въ концѣ концовъ столь безысходнымъ въ томъ смыслѣ, что они нигдѣ, ни на одномъ фронтѣ не могутъ добиться рѣшительной побѣды, нигдѣ, ни на одномъ фронтѣ, ни одну изъ сторонъ не могутъ принудить къ миру, — что отъ нѣмцевъ можно было ожидать какихъ-либо операций, даже самыхъ трудно осуществимыхъ. Все равно: на русскомъ фронтѣ нѣмцы не могутъ привести войну къ концу, и одинаково нѣтъ надежды побѣдить на западѣ, почему, естественно, противнику зачастую трудно рѣшиться, какое изъ этихъ двухъ золь для него меньшее. Конечно, наступать на западномъ фронтѣ невозможно, но и на русскомъ фронтѣ операции не приводить къ конечной цѣли, и въ такихъ условіяхъ въ концѣ концовъ задачи на обоихъ фронтахъ одинаково трудно достижимы.

Однако вести войну надо, и потому какіе-либо изъ фронтовъ активнѣе приходится. Ибо они все же безнадежное наступленіе въ нашу сторону, которое не могло ихъ привести къ миру, а въ февралѣ 1916 года они попробовали третій разъ такое же безнадежное наступленіе въ сторону французовъ, хотя и опыты сраженій на Марнѣ и на Изерѣ, и элементарныя разсужденія подсказывали имъ, что такое наступленіе не приведетъ къ конечной цѣли.

При такихъ условіяхъ создавалась грандіозная операція у Вердена, гдѣ нѣмцы атакуютъ столь безнадежный для нихъ, по ихъ собственному опыту, французскій фронтъ въ отчаянномъ стремленіи снискать его хотя бы въ одной точкѣ путемъ удара чудовищной массой. Съ другой стороны, необходимо имѣть въ виду, что нѣмцы весьма серьезно считались съ тѣмъ, что во время предстоящихъ весеннихъ и лѣтнихъ операций на нашемъ фронтѣ ихъ можетъ ожидать ударъ «въ тылъ», т. е. наступленіе французовъ, въ виду той согласованности дѣйствій союзниковъ, которая, какъ извѣстно, считается теперь важнѣйшей задачей союзной стратегіи. Въ ожиданіи такого наступленія нѣмцы также должны были, согласно своей системѣ «предупреждать», начать преслѣдственное наступленіе противъ французовъ въ расчетѣ нанести имъ большія потери и вынудить ихъ въ будущемъ отказаться отъ наступленія на западномъ фронтѣ, — въ тотъ періодъ, когда нѣмцы будутъ заняты операціями на востокѣ.

Такимъ образомъ можно предположить, что нѣмецкое наступленіе на западномъ фронтѣ, не имѣющее вообще шансовъ на успѣхъ, было предпринято отчасти потому, что вообще ни на одномъ фронтѣ нѣмцы все равно не могутъ достигнуть рѣшительнаго успѣха, а гдѣ-нибудь наступать надо, и, во-вторыхъ, отчасти потому, чтобы предупредить своимъ ударомъ возможное наступленіе англо-французовъ лѣтомъ — въ тотъ періодъ, когда нѣмцы увязнутъ въ операціяхъ на нашемъ фронтѣ.

Такова въ общихъ чертахъ стратегическая обстановка, при которой сложилось Верденское наступленіе нѣмцевъ. Обращаясь теперь къ исполненію этой операціи, отмѣтимъ, что изъ 7 германскихъ армій и нѣсколькихъ отрядовъ, находящихся на западномъ фронтѣ, непосредственное участіе въ операціи приняла армія кронпринца и находящійся рядомъ съ нею значительный отрядъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ генерала Штраппа. Войска генерала Штраппа были расположены въѣмъ и южнѣ арміи кронпринца, а вправо отъ арміи кронпринца находился въ Шампани армія генерала Эйнема, которая также могла втянуться въ операцію подъ Верденомъ, но только при помощи присылки подкрѣпленій кронпринцу, но и при помощи наступленія на своемъ фронтѣ, которое Эйнемъ могъ бы вести для содѣйствія кронпринцу.

Однако въ первое время приняли участіе въ операціи преимущественно войска кронпринца. Необходимо также отмѣтить, что къ району арміи кронпринца нѣмцами были доставлены значительныя стратегическія резервы, которые, по газетнымъ свѣдѣніямъ, доходили до 225 батальоновъ. Эти стратегическія резервы частью были взяты изнутри Германіи, частью доставлены съ другихъ фронтовъ.

Затѣмъ къ району Вердена было подвезено громадное количество тяжелой артиллеріи, въ томъ числѣ и австрійскія тяжелыя мортиры, перевозимыя на моторахъ. Мы не упоминаемъ, конечно, о другихъ деталяхъ подготовки нѣмцевъ въ Верденскому наступленію, которая была весьма тщательно разработана въ теченіе двухъ съ лишнимъ мѣсяцевъ этой подготовки.

7-го февраля 1916 г. началось верденское сраженіе съ грандіознѣйшаго артиллерійскаго боя. Затѣмъ нѣмцы повели атаку, въ результатъ которой имъ, при помощи колоссальныхъ потерь, удалось занять два небольшихъ выступа французскихъ позицій у деревень Бомонъ и Брабанъ-сюръ-Моза. Нѣмцы вели атаки густыми колоннами подъ покровительствомъ сильнѣйшаго артил-

лерейского огня, т.-е. пригласия знакомые приемы, которыми в свое время пользовался Макензен на Дунайцах.

Самый Верденъ представляет собою крѣпость первого класса, прикрывающую пути черезъ Шалонъ къ Парижу. Атака нѣмцевъ у Вердена какъ бы означала памѣтленіе ихъ прорвать французскій фронтъ со стороны юга, т.-е. выйти на пути южнѣе Парижа. Напомнимъ читателямъ, что въ 70-мъ году Мольте, двигаясь во Францію, все время обходилъ Парижъ именно съ юга, стремясь отрезать французскую столицу отъ юга Франціи и этимъ лишить французскія арміи источники подкрѣпленій изъ такого богатѣйшаго района, какимъ является югъ Франціи.

Эту идею Мольте нѣмцы пытались осуществить въ началѣ войны и также старались сначала обойти дѣйств. южнымъ крыломъ, но здѣсь ихъ съ мѣста постигла неудача, такъ какъ французы естественно наблюдали эти пути, выходящіе въ обходъ Парижа съ юга, памятные имъ по 70-му году. Тогда нѣмцы стали обходить противникомъ съ вѣрными правыми крыломъ, и послѣдовало ихъ знаменитое обходное движеніе черезъ городъ Лилль. Этимъ движеніемъ нѣмцы какъ бы, наоборотъ, загнали французовъ на югъ Франціи, къ источникамъ французскихъ подкрѣпленій, что, конечно, не приводило нѣмцевъ къ побѣдѣ, а лишь усиливало французское сопротивление.

Начавъ операцію противъ Вердена, т.-е. какъ бы стремясь прорваться въ направлении путей, выходящихъ въ обходъ Парижа съ юга, нѣмцы этимъ стремились снова осуществить идею Мольте, отрезать Парижъ отъ юга Франціи, но, конечно, теперь эта попытка имѣла меньше всего шансовъ на успѣхъ. Не говоря уже о той силѣ французскаго фронта, которая дѣлала вообще невозможнымъ успѣхъ нѣмцевъ, о чемъ мы говорили выше, пунктъ, выбранный ими для атаки, самый Верденъ, представляет собою одинъ изъ самыхъ сильныхъ пунктовъ французскаго расположенія.

Эта первоклассная крѣпость, расположенная по обоимъ берегамъ р. Мааса, состоитъ изъ двухъ линій фортовъ и старой цитадели внутри, опоясывающей городъ. По силѣ фортовъ, подготовивъ фортовую линію и по внутреннему устройству, а также благодаря обилію безопасныхъ подземныхъ помѣщеній для гарнизона, Верденъ вообще является одной изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Европы.

Французское расположеніе у Вердена выдвигалось впередъ на 15 впередъ за Верденъ. При первомъ главномъ натискѣ нѣмцы

продвинулись лишь на три километра, каковое продвиженіе слѣдуетъ признать крайне незначительнымъ. Трофеи нѣмцевъ были ничтожны, и въ то время какъ французы при своемъ короткомъ сентябрьскомъ ударѣ отъ Шампани взяли 26.000 плѣнныхъ въ одинъ день и 155 орудій, нѣмцы, по ихъ заявленіямъ, взяли всего лишь 3.000 плѣнныхъ. Необходимо отмѣтить, что вообще при длинныхъ фронтахъ, кто бы ни наступалъ, въ первый моментъ имѣетъ нѣкоторый успѣхъ наступающій, такъ какъ онъ сосредоточиваетъ массу и, естественно, сразу занимаетъ первые окопы.

Однако этимъ ничтожнымъ успѣхомъ ограничилось все успѣхи нѣмцевъ. Въ теченіе первыхъ 5—6 дней нѣмцы не достигли болѣе никакихъ успѣховъ, и лишь былъ одинъ моментъ, когда они овладѣли находящимся совершенно въ сторонѣ отъ крѣпости и не имѣющимъ никакой связи съ поясомъ фортовъ укрѣпленіемъ Дуамонъ, но были потомъ оттуда выбиты.

На шестой день сталъ обозначаться успѣхъ французовъ, которые не только вернули фортъ Дуамонъ, но вернули и деревню того же имени.

Въ окончательномъ итогѣ послѣ девяти дней изступленнаго боя, гдѣ обѣими сторонами были выброшены милліоны снарядовъ и произведены были бѣшенныя атаки и контръ-атаки, французы твердо остановили нѣмцевъ и не позволили имъ продвинуться далѣе къ главной фортовой линіи Вердена.

За исключеніемъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ деревень, на общемъ противленіи въ глубину въ двѣ версты, нѣмцы болѣе ничѣмъ не овладѣли, понеся неисчислимыя потери въ людяхъ.

Это было не только неудачей нѣмцевъ у Вердена, это было ихъ громадной стратегической неудачей, т.-е. такой неудачей, которая должна была имѣть вліяніе на весь ходъ войны, должна была показать уже безусловно нѣмцамъ, что ихъ надежды на успѣхъ во Франціи были своевременно погребены на Марнѣ, и что во живить имъ ихъ вновь никакими самыми изступленными, самыми отчаянными операціями.

На десятый день артиллерійскій бой продолжался все-таки съ прежней силой, и это означало, что нѣмцы поведутъ еще одну большую атаку. Однако можно было не сомнѣваться, что ихъ скопленный въ теченіе года затишья порывъ уже растроченъ, и что никакія новыя атаки не исправятъ дѣла, разъ первая атака, — та, въ которую было вложено больше всего энергии и подготовки, — не удалась.

И годъ второй къ концу склоняется,
Но такъ же рѣютъ знамена,
И такъ же буйно издѣвается
Надъ нашей мудростью война.

Вслѣдъ за ея крылатымъ гениемъ,
Всегда играющимъ въ ничью,
Съ побѣдной музыкой и пѣніемъ

И сосчитаютъ ли потопленныхъ
Во время трудныхъ переправъ,
Забывшихъ на поляхъ потоптанныхъ
И громкихъ въ лѣтописи славѣ?

Иль зори будущія ясныя
Увидятъ міръ такимъ, какъ встарь:—
Огромныя гвоздики красныя,
И на гвоздикахъ спитъ дикарь;
Чудовищъ слышны ревы мирныя,
Вдругъ хлещутъ бѣшено дожди,
И все затягиваютъ жирныя
Свѣтло-зеленые хвощи?

Не все ль равно? Пусть время катится,
Мы поняли тебя, земля!
Ты только хмурая привратница
У вхола въ Божія Поля.

Н. Гумилевъ.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „Нива“ проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1916 годъ, озаботиться своевременными взносами подписныхъ денегъ, согласно условіямъ разсрочки. Гг. иногородные подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ.

При перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. и печатный адресъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Медальонъ. Разсказъ Марка Кривичаго. (Продолженіе).—Проводы. Стихотвореніе Михаила Андреева.—На Западномъ фронтѣ. Разсказы В. Рошнина.—Бѣлый замокъ. Разсказъ Ренэ Базена.—Какъ растутъ кресты. Разсказъ Б. Никонова.—Голосъ народа. (Въ Госуд. думѣ).—Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Стихотвореніе Н. Гумилева.—Заявленіе.—Отклики войны.

РИСУНКИ: Батарея... Картина И. А. Владимірова.—На казакскомъ фронтѣ (23 рис.).—Пожаръ въ деревнѣ Ц.—На нашемъ западномъ фронтѣ (4 рис.).—У родной могилы. Картина И. Владимірова.—9 е фекрала. Торжественное молебствіе жерель открытіемъ застѣлки Гос. Думы, въ присутствіи Государя Императора.—Карта крѣпости Верденъ и его форты.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Н. Г. Гарина“ книга 4.

Редакторъ-издат. Л. Ф. Марксъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайловъ просп., № 29.

Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, улица Гоголя, № 22.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ,

и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ содержащихъ вредныя для здоровья вещества. Ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

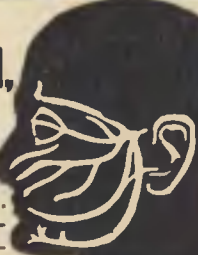
Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-ръ ПЕЛЬНИСЪ ВЪЯ
ПЕТРОГРАДЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ПРОТИВЪ ГОЛОВНОЙ БОЛИ, НЕВРАЛГІИ,

ишлеса, простудныхъ и ревматическихъ болей, принимайте Кефалдолъ Д-ра Сторъ. Кефалдолъ абсолютно безвреденъ, прекращаетъ нервныя боли и улучшаетъ самочувствіе. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Лабораторіи: Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ДОЛГО-ОЖИДАЕМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ЧАЙ ЯНХАО № 14.

Наконецъ полученъ свѣжій, новаго осенняго урожая, чрезвычайно ароматный, сильнѣйшаго настоя, о чемъ всѣ любители и поклонники чая Янхао настоятельно удостовѣряются. Цѣна ЧАЙ ЯНХАО 2 р. 40 к. за фунтъ съ пересылкой по почтѣ за нашъ счетъ во всю Европ. Россію посылками въ 3 ф., 5 ф. и 9 фун. (торговцамъ скидка.)

ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ:
Склады чаевъ И. Е. ДУБИНИНА.
МОСКВА, Покровка, д. № 51.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ, БОГАТО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„АВТОМОБИЛЬ“

(пятнадцатый годъ изданія).
8 руб. въ годъ съ доставкой, 4 руб. въ 1/2 года съ доставкой.
Пробный №—35 коп. Четыре пробныхъ №№—1 руб.
Премія: большая иллюстрированная книга „По Африкѣ на авто-билѣ“ съ доставкой—2 руб., вмѣстѣ 3 руб. безъ доставки.
Редакція: Петроградъ, Литейный, 36.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

НАЛЛИГРАФИЯ 6 отдѣл. Рондо-Готтиль, Батарея и пр. 208 рис. и черт. въ тексты, транспорт. и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для ис-прав. почерка въ короткий срокъ. Главн. вним. обрац. на контроль. скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 1 р. 50 к.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со спра-вочн. словаремъ всѣхъ словъ, затруд-няющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Цѣна съ пер. 1 р. 10 коп. Налож. плат. доп. на 25 к.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная, 7—4

Всѣ правила легко усваиваются по-мощью 121 упражн. и систематическа-го ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шрифт. Цѣна съ пер. 1 р. 50 к.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить въ са-мую въ казен., обществ. и частн. упр., формъ прошен., писемъ, какія шфы должно принимать, чтобы обеспе-чить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 р. 10 коп. Налож. плат. доп. на 25 к.

КРУПНЫЙ ЗАРАБОТОКЪ КРУГЛЫЙ ГОДЪ

достигаете Вы, если Вы желаете работать для насъ. Мы платимъ 2 руб. заработной платы за каждую дюжину паръ чулокъ или носковъ. Или если Вы желаете ра-ботать для продажи, и также для соб-ственныхъ надобностей.

Требованія на чулочный товаръ вездѣ и постоянно большія. За чулки и носки, выработанные на нашей машинѣ «ВИКТО-РИЯ», предлагаютъ лучшія цѣны. «ВИК-ТОРИЯ» вѣжеть одинъ чулокъ въ 15 ми-нутъ. Наша автоматическая быстро-вальная машина «ВИКТОРИЯ» стоитъ 175 руб. Мы ищемъ немедленно старательныхъ вязальщиковъ и вязальщицъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Предвари-тельныхъ знаній не требуется. Разстояніе не служитъ препятствіемъ.

Заработокъ—гарантированъ. Работа—постоянная.

ТРЕБУЙТЕ нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИИЪ

ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и Ко.

Петроградъ, Невскій пр., д. 40/42—11 в.
Лондонъ, Е. С. 114, Leadenhall St.

При ГОНОРРЕѢ

въ острой и хронической формѣ „ТИЗЕРИНЪ“ постѣдѣстаетъ ея примѣняется Д-ра мед. Гороховской для внутренняго употребл. Тизеринъ совершенно безвреденъ. Цѣна 1 год. флак. и 10 короб. капсулъ 2 р. Двойного 3 р. 50 к. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Давыдъ пер. 1/23, ил. 3, отд. 90. Отпускается изъ аптекъ по рецепту врача.

ОТКЛИКИ ВОЙНЫ.

Телеграмма Государя Императора Государствен-ной Думы.

Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко удостоился получить 10-го февраля слѣдующую Высочайшую телеграмму, огла-шенную во время засѣданія Гос. Думы и покрытую возгласами „ура“. „Сердечно благодарю васъ и членовъ Гос. Думы за поздравленіе по поводу паденія Эрзерума. Вмѣстѣ съ вами вѣрю, что этотъ новый подвигъ кавказской арміи, при помощи Божіей, явится ступенью къ окончательному торжеству нашего оружія. Залогомъ этого служить готовность всѣхъ сыновъ нашей Великой Родины положить все свои силы на служеніе ей, въ чемъ мнѣ пріятно было убѣдиться вчера, при посѣщеніи Государственной Думы, о плодотворности работъ

которой мнѣ отрадно было помолиться вмѣстѣ со всѣми ея дѣя-телями.

Телеграмма эта явилась отвѣтомъ на слѣдующую телеграмму, отправленную Государю Императору предсѣдателемъ Гос. Думы 9-го февраля:

„Сегодня въ незабвенный день, когда Вашему Императорскому Величеству благоудно было осчастливить Своимъ присутствіемъ Гос. Думу и вмѣстѣ съ нею вознести Всевышнему благодареніе за одержанную геройскими кавказскими войсками надъ нашими вра-гами побѣду, Гос. Дума, возобновивъ по указу Вашего Император-скаго Величества свои занятія, уполномочила меня всеподданнѣйше повергнуть передъ Вами, Государь, горячія поздравленія по поводу паденія твердыни Малой Азіи—крѣпости Эрзерума. Гос. Дума твердо вѣритъ, что это безпримѣрное по своему геройству блестящее дѣя-

H K B A

